

Ян Валетов

ЛЕВЫЙ БЕРЕГ СТИКСА

Криминальное
Чтение

Ян М. Валетов
Левый берег Стикса

«Автор»

Валетов Я. М.

Левый берег Стикса / Я. М. Валетов — «Автор»,

ISBN 966-542-269-3

Твоя семья взята в заложники, друзья арестованы или убиты. Твой бизнес поделен между сильными мира сего, и по твоим следам идут наемные убийцы и «оборотни в погонах». Теперь тебя называют врагом государства. Для всех – ты мертв, и это единственный способ уцелеть и отомстить... «Левый берег Стикса» - книга о том, как делают деньги и политику. Если у тебя слабые нервы, лучше отложи ее в сторону.

ISBN 966-542-269-3

© Валетов Я. М.

© Автор

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	58
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Ян Валетов

Левый берег Стикса

В этой книге нет ни слова лжи, в этой книге нет ни слова правды. Все так и было, хотя ничего этого не было. Все люди, о которых идет речь, —реальны, хотя никогда не существовали в действительности.

Автор

Но вот, что вы знаете: если бы ведал хозяин дома, в какую стражу придет вор, он бодрствовал бы и не позволил бы подкопать дома своего.
От Матфея, 24: 43

Ибо вы охотно терпите неразумных, сами будучи разумны.
Ибо вы терпите, если кто вас поработает, если кто объедает, если кто обирает, если кто перевозносится, если кто бьет вас в лицо.
2-е послание к Коринфянам, 11: 19, 20

И хотя я иду через долину тени и смерти, не убоюсь я зла...
Книга Псалмов

Часть первая

Она не любила загородный дом. И с самого начала была против его покупки, но Косте он нравился. Раньше этот трехэтажный, считая подземные помещения, дом принадлежал одному из управляющих каким-то трестом столовых и ресторанов и был выстроен с настоящим торговым размахом.

Вокруг причудливой каменной коробки росли высокие, в обхват толщиной сосны, покрытые чешуйчатой липкой корой. Между ними змеилась двухкилометровая бетонная лента подъездной дороги, вечно засыпанная длинными желтоватыми иглами. Метрах в трехстах от площадки перед домом, вдоль дороги вырастали приземистые квадратные тумбы, на которых, словно шлемы водолазов, пузырились белые шары фонарей. Сразу же за домом располагалась аккуратно выкроенная лужайка для пикников с огромной беседкой в углу у леса и огромным мангалом на коротких толстых ножках. За лужайкой начинался трехметровой ширины пляж, покрытый крупными комками слежавшегося от весенних дождей песка, и лишь у воды солнце осушало его и красиво отделявало черную речную воду чуть желтоватой, рассыпчатой полоской.

Слева, на пригорке, у самой кромки прибрежных зарослей, источавших чуть слышный запах свежей зелени и застоявшейся речной воды, стоял особенно нелюбимый ею покосившийся грибок, разрисованный лет пять назад под мухомор, облезший от сырости и похожий на омерзительно крупный вулканический прыщ.

Костя присмотрел дом почти год назад, когда этот неизвестный ей управляющий собрался эмигрировать в Германию. Они приехали сюда впервые в конце мая, и Костя, захлебываясь от восторга, водил ее сначала вокруг, а потом внутри этого мрачного строения, махал руками и чуть не подпрыгивал от восторга. Ее всегда удивляла сохранившаяся в муже юношеская восторженность. Правда, проявлял он ее только дома, наедине, а на людях был сдержанным, даже угрожающе сдержанным человеком.

В банке многие боялись его, хотя Диана и подумать не могла, чтобы Костя когда-нибудь на кого-нибудь накричал. Он никогда не повышал голос, даже когда злился, просто в интона-

циях появлялось что-то металлическое, а глаза из карих становились черными, словно кто-то ластиком стирал радужку, оставляя один зрачок. За одиннадцать лет супружества Диана видела его таким от силы три раза, но даже при воспоминании о том, каким чужим и неприятным становилось его лицо, по спине проходила холодная липкая волна.

Диане дом не понравился. Она, не будучи трусихой, избегала удаленных от кипения жизни мест, следуя инстинкту благоразумного человека. А Костя, наоборот, считал это чуть ли не главным достоинством дома и был готов не обращать внимания ни на вычурность постройки, ни на отделку, напоминающую своей претенциозностью прически торговых и партийных дам, удостоверявшие их социальную принадлежность надежнее любого документа.

Конечно же у дома были свои достоинства: огромная, отделанная светлым деревом гостиная с камином, украшенным массивной решеткой, узорно кованной, с экраном и мраморной доской. Рядом с камином полукругом стояли кожаный диван-уголок с креслами и телевизор. Три четверти громадной столовой занимал тяжелый дубовый стол с двенадцатью стульями, поднять каждый из которых было даже для Кости задачей не из легких. Что делал с ними директор треста – оставалось загадкой. Ростом он удался, как рассказывал Костя, с некрупную собаку, но явно страдал гигантоманией, как и все маленькие люди. Комплекс Наполеона – ничего не поделаешь.

Рядом, на первом этаже, располагалась ванная комната, оснащенная по последней моде, с угловой ванной-бассейном, с похожим на трон унитазом и биде. Хотя, как не без ехидства думала Диана, прежний хозяин вряд ли догадывался, что это приспособление не является фонтанчиком для питья. Тут же была и просторная кухня, перегороденная стойкой мини-бара по американской моде.

На втором этаже располагалась еще одна гостиная, вернее, странная помесь гостиной с летним садом, под стеклянным потолком, с импортными искусственными растениями и деревьями в горшках, угловыми диванчиками и еще одним камином, на этот раз электрическим. Там же находился еще один устрашающего размера телевизор с видеомagnитофоном.

Три двери из гостиной вели в спальни, каждая из которых имела свой туалет с ванной, правда, более скромные, чем нижняя, но с обязательным биде и сверканием итальянского кафеля.

В общем, от дома исходил запах советского представления о шике западного образа жизни, купеческого отсутствия вкуса и больших денег, словно вонь застарелого недельного пота кто-то смешал с приторным одеколоном.

Диана прекрасно представляла себе прежнего хозяина, хотя и не видела его ни разу, – свои дела он завершал из Германии, через жену, маленькую невзрачную женщину с толстыми короткими ногами и плоским невыразительным лицом. При встрече Диане почему-то подумалось, что эта похожая на пожилого пекинеса дама была нечастым гостем в загородном доме мужа. И уж наверняка не для нее в хозяйской спальне стояла кровать с гандбольную площадку величиной.

В подвале торговый босс возвел сауну, бильярдную, комнату для хранения продуктов с огромным двухдверным холодильником и лестницей, ведущей в погреб со стеллажами для солений, к которым невзрачная хозяйка уже имела непосредственное отношение.

Оглядывая дом, Диана почему-то испытывала чувство брезгливости, но четко сформулировать – почему? – не могла. Словно прикасалась к чужому несвежему белью или диковинному мохнатому насекомому. Костя долго объяснял ей, что цены на недвижимость сейчас достигли минимума, покупка выгодна, и они смогут с мая по октябрь прятаться здесь от удушающей, отдающей приторной вонью разогретого асфальта городской жары. Отсюда удобно ездить на работу – ведь до города всего сорок минут, и Дашеньке с Мариком здесь будет прекрасно...

В общем, он все решил за них двоих, как, впрочем, делал очень часто, особенно в последнее время. В нем появилась какая-то болезненная категоричность, навверное, полезная для биз-

неса, но вряд ли уместная дома. Он изменился за последние пять лет, хотя и оставался во многом прежним – умным и обаятельным провинциальным пареньком, в которого она без памяти влюбилась в далеком 1983 году, отбросив в сторону свои мечты о прекрасном принце, похожем на Алена Делона.

Костя на принца не походил, но был такой остроумный, энергичный, с хорошей открытой улыбкой не только на губах, но и в глазах, что даже ее мама, вначале надменно поднявшая брови, была им очарована напрочь.

Отец Дианы, профессор филологии Сергей Афанасиевич Никитский, считавший, что лучшей партией для дочери будет кто-то из его аспирантов после защиты кандидатской под его руководством, увел Костю в кабинет, до потолка заставленный книгами на семи языках, на четырех из которых профессор свободно читал и изъяснялся. Они вернулись через полтора часа. Причем Сергей Афанасиевич с несколько обалделым выражением лица. Диана усмехнулась про себя, зная, что Костя, заканчивая экономический, факультативно изучал английский и немецкий и бодро, хотя и с ужасающим акцентом, изъяснялся на французском.

Он вообще был странным человеком, ее Костя. Он родился в семье шахтеров, в рабочем городке и имел девяносто пять шансов из ста пойти по пути своих сверстников из двора-колодца, образованного обшарпанными двухэтажными бараками, построенными немецкими военнопленными, и новыми, престижными в представлении местных жителей, но уже не менее запущенными хрущевками.

Вьедавшаяся во все поры угольная пыль окрашивала строения и людей во все оттенки серого. Пьянки для отцов, смертоносная «ханка» и дешевый портвейн для молодежи, для обоих поколений тяжелый однообразный труд в шахте, силикоз к сорока годам. Все то, что в благополучной парадной жизни за пределами огороженного терриконами негласного гетто для рабочего класса считалось несуществующим, на самом деле было единственной возможной реальностью для сотен тысяч людей.

Официально об этом нигде не упоминалось – не позволяла доктрина. Это было язвой капиталистического мира, а наши шахтеры, чумазные и жизнерадостные, рапортовали с голубых экранов о трудовых победах к очередному съезду направляющей и руководящей силы. Но, к удивлению Дианы, выросшей в благополучной профессорской семье, этот мир был не за многие тысячи, а всего за двести пятьдесят километров от ее уютной квартиры с книгами, коврами и старомодными нравами.

Отец Кости погиб во время аварии на шахте в 1972-м, когда его сыну едва исполнилось четырнадцать. И в тот же год Костя уехал из родного города, подальше от портвейна и самодельных ножей из рельсовой стали с наборными ручками из цветного плексигласа – поступать в техникум на экономическое отделение. Через год он стал комсоргом отделения, а еще через год – комсоргом техникума, отличником и капитаном сборной по футболу. При всем этом он был далеко не паинькой – сказывалась дворовая школа – и в случае чего мог постоять за себя с решительностью и жестокостью, усвоенной от шпаны.

Как ни странно, всех своих успехов он достигал с одной целью – не скучать. Бездельничать и напиваться ему было скучно. Каждую свободную минуту он хотел занять чем-то полезным для себя. Читал запоем, все, что попадалось под руку, изучал иностранные языки, стенографию, неизвестно зачем получил дипломы сварщика, оператора станков с ЧПУ и кучу других бумажек, которые теперь ненужные лежали в пакете с документами в их городской квартире.

Чтобы избавиться от сильного украинского акцента в речи, он посещал курсы при филфаке университета и к моменту окончания техникума говорил не хуже диктора центрального телевидения.

Красный диплом техникума, комсомольская работа и пролетарское происхождение помогли ему поступить на экономику в университет, хотя по матери он был еврей, о чем все-

гда без стеснения писал в анкете. Наверно, от матери он и унаследовал густые темные волосы, тонкий нос с нервными тонкими крыльями ноздрей и необычного разреза карие глаза с длинными черными ресницами.

Лицом он больше походил на отца, фотографии которого Диана видела, когда приезжала к свекрови. Те же резко очерченные, высокие татарские скулы, тяжелый подбородок, плотно сжатый рот. На фотокарточках покойный свекор никогда не улыбался и производил впечатление крайне сурового человека. Но в один из приездов Костина, тогда еще живая мама сказала ей тихонько, когда они оказались вдвоем на трехметровой кухне ее квартирки:

– Он тебе так улыбается. На батю своего так схожий, батя точно так улыбаясь.

И столько нежности, столько сокровенных теплых воспоминаний было в этом голосе, особенно в этом южном «улыбаясь», что Диана, несмотря на молодость, сообразила, что, может, и не все в жизни ее свекрови было гладко (отец Кости, Николай Петрович, был человеком с непростой судьбой и непростым характером), но мужа своего, умершего много лет назад, Светлана Иосифовна любила, а может, и по сию пору любит как живого. И он ее любил.

В 1979 году Костя стал секретарем комитета комсомола факультета экономики университета и вступил в партию – не из-за убеждений, а по необходимости. Так делали все, кто мог, правдами и неправдами, чтобы обеспечить себе нормальное продвижение по служебной лестнице в будущем. А Диана в этом же году поступила в университет на филологию, без усилий перешагнув со школьной скамьи на студенческую. Языками она занималась серьезно, с первого класса, и свободно говорила на английском и французском.

Учеба не занимала много времени, и свободные вечера она проводила в обществе подруг по группе – с шампанским, песнями Окуджавы, разговорами о литературных новинках и отсутствии в современной жизни нормальных мужчин.

Отсутствие мужественности в соучениках по факультету признавалось естественным – филология дело чисто женское. А во всех остальных представителях мужского пола мужественность или сочеталась с отсутствием образованности и утонченности (утонченность словесная и чувственная считалась обязательной для настоящего мужчины), или полностью заменялась «животной грубостью» при полном отсутствии образованности и той самой утонченности. От слов «животная грубость» у самой рьяной проповедницы женского интеллектуального превосходства, Оленьки Кияшко, почему-то появлялось мечтательное выражение в глазах.

«Женский клуб» заседал регулярно, от трех до пяти раз в неделю, но члены самодеятельной феминистской организации иногда пропускали его заседания, чтобы сходить в кино, кафе или театр с кем-нибудь, чей набор хромосом включал в себя букву «Y». С отвращением, естественно.

Некоторые члены клуба уже знали, чем отличается поцелуй переполненного гормонами студента от поцелуя одноклассника, тайком читали некоторые разделы журнала «Здоровье», а однажды, в преддверии новогоднего вечера, все вместе вслух прочли омерзительную ксерокопию книги сексопатолога со странной, явно ненастоящей фамилией Стрит.

Копия была признана омерзительной не только по качеству, но и по содержанию большинством голосов, но Диана подозревала, что, несмотря на некоторую загадочность отдельных, описанных бесстыдным Стритом действий, подругам, как и ей, пришлось сменить трусики по приезду домой.

Первые месячные пришли к ней еще четыре года назад, принеся с собой кроме испуга и боли чудо перерождения хрупкой девочки-подростка в стройную, длинноногую девушку с миниатюрной, но удивительно упругой и выпуклой грудью. Диана, будучи усердной читательницей Мопассана, Ибанеса и Флобера, считала страсть уделом зрелых страдающих женщин, а «секс», благодаря школьному воспитанию, почти неприличным для русского языка словом.

Настоящие женщины – героини романов – принимали страсть как мучение и наказание, а настоящие мужчины скакали на белых, ну уж в крайнем случае, по необходимости, на вороных конях, спасали своих возлюбленных от похотливых антигероев и нежно целовали в губы в финале. Только так, и не иначе!

Главные герои никак не походили на ненормальных одноклассников, бивших ее по голове портфелем в младших классах или задиравших юбку в классах старших. Она одинаково презирала вялых чистюль-отличников и тупиц-спортсменов (в школе был спорт-класс), предпочитая окружающему книжный мир, спокойные часы на диване в гостиной. А истому, иногда охватывающую ее без всяких видимых причин, считала разновидностью мигрени, которой многие годы страдала мама.

По мере взросления, правда, она была вынуждена признать некоторые вещи, но к семнадцати годам ее общие представления о жизни были так же далеки от реальности, как и в детстве. По настоянию мамы она изучила книгу «Мужчина и женщина», стоявшую у отца в кабинетном книжном шкафу, тактично умолчав, что уже неоднократно ее читала много лет назад. Выслушала строгие, хотя слегка путанные наставления о девичьей чести, мужской ограниченности, возможной беременности и других неприятностях, к которым приводит легкомыслие, внутренне удивляясь маминым опасениям. Ведь те самые «глупости» она может совершить только с настоящим героем, а где его взять в наше время?

Может быть, поэтому она страшно испугалась, когда, танцуя со своим одноклассником на одной из вечеринок, вдруг почувствовала бедром что-то твердое в его брюках, что-то такое горячее, что даже через ткань обожгло ее. Все ее мышцы в одно мгновение напряглись, как во время судороги, и она отпрянула от него с испугом, с трудом удержавшись на ставших ватными ногах. Сережа Пашков, ее незадачливый и легковозбудимый партнер, испугался, кажется, не меньше ее.

– Ты чего шарахаешься? – сказал он, совершенно по-детски хлопая глазами. – Не бойся, я не кусаюсь!

– Ничего! – сказала она, справившись с голосом. – Я посижу. Голова болит. Ладно?

Пашков пожал плечами и отошел в поисках нового объекта разыгравшихся фантазий, а она, усевшись в уголке дивана, почувствовала, что сведенные мышцы бедер и живота начало отпускать, а на лбу выступила испарина. Мокро стало и подмышками, и между ног. Ей показалось, что к запаху маминых духов и чистого тела прибавился какой-то острый, пряный, совершенно незнакомый ей запах.

«Как же так, – думала она, – ведь я даже не знаю его нормально. Просто здравствуй – до свидания. Глупый он какой-то. Шутки как у дурака. Мне он даже не нравится. Неужели это из-за...» И она зажмурилась.

Впервые она поняла смысл маминых предупреждений. Значит, все-таки она может «сделать глупость». Вернее, не она, а та, другая, чей запах она слышала. Сидящая в ее теле. Та, вторая, с ватными ногами и мышцами, сведенными судорогой.

Диана улыбнулась.

Сейчас она вспомнила охвативший ее страх с улыбкой, а вот тогда ей было не до смеха, и она всю ночь прорыдала в подушку, считая себя грязной и падшей женщиной. Слезы к утру высохли, а вот понимание важности происходящих с ней перемен, пусть подсознательное, но осталось.

Она заглянула в детскую, где на кровати, как всегда поперек, спала Дашка. Поправила одеяло, из-под которого торчала Дашкина голая пятка, и пошла вниз, на кухню.

Костя улетел в Германию на какое-то совещание в «Дойчебанке» – его проводили для держателей корреспондентских счетов. И еще к своему немецкому партнеру Дитеру Штайнцу, организовавшему для Краснова ряд встреч с финансистами из бывшей Западной Германии. Самолет вылетал из Киева в восемь утра, и Костя вот уже полчаса в воздухе.

А вчера они допоздна сидели внизу в гостиной и, дождавшись, когда Марк с Дашкой уснут, поднялись к себе в спальню и занимались любовью до тех пор, пока внизу не заурчал мотор служебного авто.

– Отосплюсь в самолете, – сказал Костя, целуя ее на прощание, – а ты спи, малыш. Ты у нас – мать-героиня. Тебе целых три дня с детьми возиться.

Сегодня понедельник. Марк с рассветом ушел ловить рыбу к сторожу на плотине, дяде Диме, и сейчас вернется. А она должна приготовить завтрак на троих, привести себя в порядок, почитать с Дашкой «Белоснежку» и «Русалочку», позаниматься с Марком языком, покормить обоих обедом. И, пока Дашка будет спать, а Марк – возиться со своим арбалетом, просмотреть конспекты лекции по Уитмену, которую ей читать в среду и в пятницу.

Она с наслаждением приняла душ и растерлась огромным махровым полотенцем. Несколькими мазками сделала легкий макияж (пользоваться «набором юного художника» в полную мощь она не любила), расчесала свои короткие, до плеч, волосы и, перед тем как надеть халат, глянула на себя в зеркало.

Для тридцати шести – все в норме. Дряблостей, отвислостей, примятоостей и припухлостей нет. Спасибо регулярному сексу и куда менее регулярному теннису. Бедрa в норме, сзади – тоже не как у цирковой лошади.

Вперед, а то Дашка проснется, а у нее и поесть нечего.

Пока чайник разогревался на плите, она нарезала хлеб для тостов, открыла баночку клубничного джема и поставила молоко для Дашкиного корнфлекса. Марк категорически отказался есть корнфлекс после десятого дня рождения. Через семь месяцев ему исполнится двенадцать, и он откажется от чего-нибудь еще. Проявит мужской характер.

Солнце осветило песок на правой стороне пляжа, и Диана открыла окно. В кухню ворвался свежий утренний воздух, полный запахов хвои, холодка речной воды и трав.

«Еще немного, – подумала Диана, – и я начну любить это место. Но завтра Марку в школу – праздники кончились, а ночевать здесь в одиночестве особого желания у меня нет. – Она взглянула на часы. – Почти девять. Часов в шесть поедem в город, так что Дашу пора будить. Все проспит, соня».

Пока она будила и умывала дочку, прошло добрых десять минут, и за это время Марк вернулся и выключил чайник, свистевший на плите не хуже соловья-разбойника.

– Доброе утро, мам! – Голос у него был еще звонкий, и она порадовалась, что время, когда он будет приветствовать ее баритоном или басом, наступит еще нескоро. – Привет, Дашкин. Все проспала. Я, вон, рыбу принес.

– Где рыба? – сразу забеспокоилась Дашка.

– А где твое «доброе утро»? – напомнила Диана.

Но рыба оказалась важнее, и Дашка поволокла табурет к мойке, чтобы оценить улов. Слово «рыба» она произнесла по-взрослому с хорошим «р». И вообще, для своих четырех с половиной лет разговаривала Даша прекрасно.

– Ты купался сегодня? – спросила Диана у сына, переходя на английский. – Вода теплая?

– Да, мам. Не холодно. Дядя Дима говорит, что это самый теплый май за последние десять лет.

По-английски он говорил свободно, но с акцентом, который перенял у Кости, хотя занималась с ним она сама, буквально с пеленок. И с ним, и с дочкой. Костя хотел представить это все как необременительную игру и достиг желаемого. Ни одному из детей занятия языком не были в тягость, а Дашка – так та была полностью уверена, что говорит на секретном языке семьи Красновых и долго не верила, что диснеевские герои этот язык тоже знают.

Даша посмотрелась на рыбешек, плавающих в мойке, и спустилась с табурета.

– Ты мыл руки? – спросила Диана, заливая хлопья молоком и подставляя Дашкин стул ближе к столу.

– Ага, – ответил Марк, пролистывая какую-то книгу. – Ма, кушать хочется. Я утром только яблоко ел.

««Одиссея капитана Блада», – прочла Диана на обложке. – Слава богу, хоть в этом нормальный ребенок, не вундеркинд».

Валя Назарова, жена Костиного зама, нашла у своего тринадцатилетнего сына на столе миллеровский «Тропик Рака». Диана не понимала и не любила Миллера, но Валины всхлипы были очень выразительны, и она невольно стала на сторону писателя, сказав в утешение обеспокоенной подруге, что Миллер – это, слава богу, еще не Лимонов.

Костя придерживался мнения, что к ребенку, для того чтобы он вырос полноценным человеком, надо и относиться как к полноценному человеку и не запрещать все подряд. «Думай, а потом делай!» – повторял он Марку с самого детства как заклинание, и Диана подумала, что это, кажется, подействовало.

Диана заварила себе кофе и, пока Марк уплетал тосты с сыром и джемом, приготовила какао для детей.

Когда она убирала со стола, на подъездной дорожке появились два автомобиля. Один из них припарковался справа от ее белой «Астры», другой – слева. Хлопнули дверцы.

Человека, который шел к входной двери, Диана очень хорошо знала. Он был заместителем председателя правления банка по вопросам безопасности, и звали его Олег Лукьяненко. Он уже четыре года работал в «СВ Банке» и был непременным гостем на всех вечеринках, которые устраивало правление. Всегда окруженный крепкими и низколобыми представителями своей службы, в темном или серо-стальном костюме, неизменно в черном узком галстуке и с усыпляюще-мягкими голосом и манерами, он почему-то вызывал у Дианы холодок под ложечкой. Ощущение было такое, будто бы рядом с ней вилась кольцами огромная, влажная от слизи анаконда. Нарочитая демонстрация шефом СВ приличных манер на общее впечатление не влияла – ощущение было настолько неприятным, что Диана предпочла бы, чтобы от Лукьяненко просто дурно пахло.

– Это у него профессиональное, – сказал Костя, когда Диана поделилась своими впечатлениями, – он и должен вызывать такую реакцию у окружающих, по роду службы. Как бывший опер.

– А он – опер?

– Говорят, был очень хорошим.

– Чего же ушел, если такой талант?

Костя закончил завязывать галстук, поправил узел и сказал вполне серьезно:

– Потому что любит деньги, и плюс к тому – работа на нас помогает ему самовыражаться.

– Прости, я не понимаю, о каком самовыражении в его случае идет речь?

– О самом обычном, Ди. Люди, работающие в этой области бизнеса, очень любят играть в солдатики. Знаешь, хороший военный, хороший разведчик, хороший оперативник – это тот, кто любит себя в этой работе. Любит атрибутику, устав и прочая, прочая... То, что у неслуживых вызывает чувство недоумения, наверное. Которому нравится видеть себя в форме, с пистолетом подмышкой, знать, что и другие знают о его значимости, осознают его власть и силу. Талантливы же по-настоящему те, кому на эту внешнюю мишуру наплевать. Они преданы идее, живут для работы. Но это фанаты, их мало. Я с такими не встречался.

– А твой Лукьяненко?

– Он талантливо играет в солдатики. За хорошие, между прочим, деньги. В меру предан. Знаешь, как доберман, которого купили в двухлетнем возрасте. Разрабатывает у себя в кабине мероприятия по безопасности. Вводит пропускные режимы. Работает с кредитчиками по сомнительным. Возвращает безнадежные, кстати – небезуспешно. Старается быть полезным. Прекрасно наладил систему сбора информации. Если что-то случится, будет на переднем крае, чтобы все увидели, что именно он – герой. Это ему надо для самоуважения.

Она налила ему кофе.

– Так что тебе, Ди, бояться его не подходит. Он – позер, и это его когда-нибудь подведет. Или, наоборот, поможет стать незаменимым. Как карта ляжет, если говорить словами Тоцкого. И ты права, чувствуя неприязнь, – играет он талантливо. С непривычки и дрожь пробрать может. Недавно он запросил у правления разрешения прослушивать помещения в новом офисе банка...

– И вы разрешите?

– Вполне возможно. Мы растем и принимаем много новых людей. Большинство из них мы совсем не знаем.

Помнишь, я тебе рассказывал случай с «левым» кредитом? Это может быть своеобразной страховкой.

– Как в полицейском государстве... Все под подозрением. «Большой брат» смотрит на тебя.

– А у нас и есть полицейское государство, Д и. Самое что ни на есть полицейское государство, а то и хуже, – он улыбнулся. – Можно мне еще ма-а-ленькую чашечку кофе и ма-а-ленький бутерброд?

И сейчас, глядя на то, как Олег Лукьяненко в сером с блестящей костюме, белоснежной рубашке и черном, узком, как лента, галстуке идет по дорожке от своего «БМВ» к входной двери, она ощутила то же неприятное предчувствие. Костя не успокоил ее тогда. В его рассуждениях была ошибка. В меру предан, сказал он. Преданным в меру быть нельзя. Как и чуть-чуть беременным.

За Лукьяненко на расстоянии трех с лишним метров, совершенно по-киношному, шли еще трое. Одного из них Диана знала в лицо, видела его в банке. Двое других были ей незнакомы, но лица, прически, походка, костюмы – словно отпечаток с матрицы – говорили об их профессиональной принадлежности...

Форму они не носили, может быть, никогда, но Диана хорошо представляла их в форме. Лучше всего в черной или коричневой. В сравнении с ними Лукьяненко с его лицом вечно голодной мыши был яркой индивидуальностью. Более того, при таком выгодном сравнении его широкоскулое, резко сужающееся книзу, как носки штиблет, лицо было не лишено интеллектуальности, чтобы не сказать одухотворенности.

«Наверно, я несправедлива, – подумала Диана, – он все-таки человек с образованием».

Он заметил, что она наблюдает за ним через окно и с улыбкой помахал рукой.

Узкий лоб, тонкий нос, тонкие губы, маленькие, плотно прижатые к голове уши.казалось, об любую из его черт можно порезаться, если повести себя неосторожно.

«Интеллигентская нелюбовь к людям из органов, – Диана мысленно хмыкнула, – а интеллигенция, как известно, в своих симпатиях и антипатиях ошибаться может, но делает это очень редко».

И она вышла в прихожую, чтобы открыть дверь.

«Женский клуб» распался в конце первого курса.

Они по-прежнему собирались компанией, но она не была чисто девичьей, и проповедям об извечном женском превосходстве пришел конец.

Вышла замуж Лидочка Жилина и теперь всюду таскала за собой мужа – смуглого, коренастого юношу с похотливыми томными глазами. В его отсутствии она вольно рассуждала о сексе, супружеской верности и семейной жизни. Когда же выюнош присутствовал, молчала, как аквариумная рыбка.

Папа Лидочки, секретарь райисполкома, по-быстрому организовал молодым кооператив, чем Лидочка была очень довольна.

– Он просто неутомим как любовник, – говорила она, выкатывая и без того слегка выпученные черные глаза. – Я просто не знаю, куда от него прятаться. Мы просто не отрываемся друг от друга.

У Лидочки – всегда и все было просто.

На Диану Лидочкин муж, Жорик, впечатления не произвел. Уж очень метушлив и неоснователен он был. Может, по молодости, а может, и по более глубоким причинам. Чем-то напоминал он самого молодого кобелька на собачьей свадьбе, ошалевшего от открывшихся возможностей и блох.

Глаза его так и прыгали по коленям и другим частям тел подруг жены, сводя на нет все его усилия казаться светским. Учился Жорик на первом курсе металлургического, разговор о литературе мог поддержать на уровне «Машеньки и трех медведей», интеллектом блеснуть ему не удавалось. И в конце концов, по молчаливому соглашению с подругами, Лидочка стала приводить его через два раза на третий, а то и реже. Как она сама выразилась – исключительно в воспитательных целях.

На втором курсе пала Люся Тульчинская, пухлая, как пончик, аккуратная и остроумная девица, принципиальный противник брака как общественного института. Ее избранник, огромный, как Моххамед Али, выпускник химтеха, увидел ее в трамвае и две недели ходил везде следом как привязанный. Молча. Что в результате Люсю и сломило.

Парень он оказался приятный, сдержанный в суждениях, трезвомыслящий – так что Диана сразу поняла, что академического отпуска по беременности Люсе не избежать. Это и случилось некоторое время спустя.

К самой Диане «подкатывали» через два дня на третий, но героя «при коне и мече» среди приставал не было, а приключений она просто боялась, памятуя о своем танцевальном опыте.

К третьему курсу она уже чувствовала себя не в своей тарелке. За лето подруги обзавелись кто женихами, кто просто приятелями, которых стало модно называть «бойфрендами», и их сборища из тихих девичников превратились в обыкновенные «междусобойчики».

Диана была внешне интересной девушкой – подтянутой от природы, с загадочным, если не сказать – многообещающим, выражением серо-голубых глаз, пепельными волосами и походкой, которую мужчины называют волнующей, что сильно осложняло ее жизнь и взаимоотношения с подругами. Приводимые ими на вечеринки особи мужского пола после знакомства с Дианой меняли объект ухаживания, причем далеко не всегда делали это с достаточным тактом.

И поскольку ожидание героя все более становилось похожим на ожидание Годо, Диана задумалась над тем, чтобы внести коррективы в выдуманный ею образ. Первыми пострадали конь и трепетный финальный поцелуй – Диана уже твердо знала, что от мужчины можно ожидать большего, если он, конечно, мужчина. С внешностью было проще. По филфаку всю ходила поговорка: «Если мужчина чуть лучше обезьяны – это уже Аллен Делон», и Диана в свои девятнадцать прекрасно понимала, что красота для мужчины не главное.

А вот с тем, что Диана считала главным, и была большая проблема. Те критерии, с которыми она подходила к своим сверстникам, трудно было считать завышенными – должно же у молодого человека быть что-то за душой и в голове. Хотя поднабравшаяся цинизма Оля Кияшко утверждала, что содержимое головы обратно пропорционально размеру того, что содержится в брюках. К сожалению, Диана не могла самостоятельно делать выводы на эту тему, а верить подруге почему-то не хотелось. Именно в это время она и встретила свое первое в жизни разочарование... Оно было рослым блондином, с ямочками на щеках, и звали это разочарование Саша.

Удивительно, но через год Диана могла вполне определенно сказать, что не была в него влюблена даже на секунду. Спустя некоторое время легко делать выводы, ошеломляющие самое себя трезвостью и верностью суждений. Может быть, во всем был виноват май – май

всегда принято винить. А может быть, просто рвалась из Дианы наружу та истома, которую она когда-то считала мигренью.

Весна стремительно катилась к концу – одуряющий аромат роз был таким плотным, что его, казалось, можно пощупать руками. Педагогическая практика в приморском городе скорее походила на отдых, чем на работу. Саша был воспитателем первого отряда. Саша был высок, широкоплеч и весел. Саша пел под гитару, и все дети в лагере его боготворили, и, главное, Саше было под тридцать, и он был женат. Десять лет разницы в возрасте – это десять лет разницы в опыте. А наличие опыта зачастую маскирует и недостаточный интеллект, и даже его полное отсутствие.

Диану, попавшую вожатой к нему в отряд, он просто покорила. В нем было все, чего не было в ее сверстниках. Основательность суждений, умение промолчать, когда надо, уважительное отношение к женщинам, чуть старомодная галантность. Даже кольцо на руке не делало его привлекательность меньше, а если говорить честно, даже увеличивало ее.

При встрече с ним, а таких встреч при работе в одном отряде было по сто на день, у Дианы слабели ноги и гулко, как в бочку, бухало в груди сердце. Даже его запах, запах дорогого одеколора, морской соли и разогретой солнцем влажной кожи, действовал на нее, как валерьянка на кошку.

Через неделю таких мучений у Дианы создалось полное впечатление, что она влюблена по уши. Они подолгу беседовали после отбоя в отрядном холле на этаже, и Диана изо всех сил напрягала ноги, чтобы не была видна дрожь в коленях. Ночью она убеждала себя, что все это глупости и ничего особенного в нем нет, а все его рассказы о студенческой вольнице в Харькове отдают пошлятиной и на удивление банальны (что было совершенно верно), а сам он – ничего собой не представляющий преподаватель истории в Чугуевской средней школе. Старейший (что было в корне не верно) сатир, охотник на молодых доверчивых девственниц.

Но дни шли за днями, а на Диану никто не охотился. И пользоваться ее несуществующей доверчивостью почему-то никто не собирался. Создавшееся положение вещей ее папа бы назвал патовым, а сама Диана называла проще – глупым. Постоянная бессонница измотала ее до крайности, и она все чаще обращалась к помощи рук, чтобы хоть как-то разрядиться, что раньше делала лишь в крайнем случае.

На двадцатый день лагерной смены ее терпению настал конец, и, придумав тысячу причин и крайне убедительных поводов для совершения глупости, она пошла в его комнату, преисполненная, с одной стороны, благородным негодованием на саму себя, а с другой – твердым намерением отдалась.

Случившееся в дальнейшем можно считать счастливым случаем. Или фарсовой ситуацией, смотря с какой стороны на все это поглядеть. Во всяком случае, Костя смеялся до слез над ее рассказом, говоря, что чистота намерений и свежесть чувств оправдывает глупость действий.

Решительно и, естественно, без стука распахнув Сашину дверь, Диана остолбенела от зрелища, открывшегося перед ней. Божественный Саша, великолепный Саша, неотразимый Саша лежал на кровати, озаренный эротичным бело-голубым лунным светом. А на нем, широко раскинув бескрайнюю, как альпийский луг, задницу, восседала воспитательница третьего отряда Виктория Виленовна, вся в многочисленных складочках, похожая на скульптуру китайского божка или – что было ближе к истине – на раскормленного шарпея. Она медленно повернула к Диане свое широкое лицо с невидящими, подкатившимися вверх глазами и неестественно тонким голосом взвизгнула на грани слышимости. Герой из Чугуева с ямочками на щеках просто смотрел на Диану, разинув рот.

Диана сделала полшага назад и, аккуратно закрыв дверь, пошла в свою комнату. Спустя пятнадцать минут она вытерла слезы и хохотала до рези в мышцах живота, а когда разум окончательно восторжествовал, уснула, спокойно и без сновидений.

На следующий день она уже смотрела на своего бывшего кумира другими глазами и благополучно уехала домой, выбросив из памяти двадцать дней непреодолимого влечения, как ребенок выбрасывает скомканный бумажный самолетик. И хотя физиологически она оставалась девушкой, именно тогда, в свете электрической луны, она впервые почувствовала себя женщиной. А осенью 1983 года она повстречала Костю.

– Доброе утро, Диана Сергеевна! – поздоровался Лукьяненко, широко улыбаясь. – Прекрасное место, прекрасный дом!

– Доброе утро, Олег Трофимович! Чем обязана? – Диана стояла в дверном проеме и боролась с желанием здесь же, на пороге, беседу и закончить. Стоявший перед ней человек вызывал у нее идиосинкразию, которую она с трудом скрывала.

– Прошу прощения, я хотел бы переговорить с Константином Николаевичем. Он уже проснулся?

Волкодавы молча стояли за его спиной на нижней ступеньке. Здраваться было ниже их достоинства. Или выше, смотря как поглядеть.

– Муж сегодня улетел в Германию, – сказала Диана, нахмурившись. – Странно, что вы об этом не знаете. Будет в среду вечером.

– Ничего удивительного, Диана Сергеевна. Я сам вернулся из командировки только вчера поздно вечером. Впрочем, это особой роли не играет... А с вами мы могли бы переговорить? Поверьте, разговор у меня очень серьезный.

– Проходите, – Диана отступила в сторону, давая возможность Лукьяненко и его свите пройти. Хорошие манеры таки возобладали. – Хотите чаю?

Марк с Дашкой играли в верхнем холле. Судя по звуку, Дашка разъезжала на своем трехколесном велосипеде, а Марк включил игровую приставку.

– Присаживайтесь.

– Спасибо, Диана Сергеевна. И от чая тоже не откажусь.

– А ваши, – Диана поискала в памяти более или менее приличное слово и с облегчением его нашла, – коллеги?

– Нет, нет, не утруждайте себя. Они сейчас на службе, им не положено.

«Чушь какая, – подумала она, – я же не водку им предлагаю, в самом деле».

Но в ответ только недоуменно пожала плечами.

Чайник был еще горячий. Она достала из буфета вазочку с печеньем, заварила в чашках два пакетика фруктового «пиквика» и, расставив все на сервировочном столе, вкатила его в гостиную.

Лукьяненко сидел в кресле, аккуратно сдвинув колени, похожий на школьника-переростка в гостях у молодой учительницы. Свита, слегка теснясь, расположилась на угловом диванчике у входа в прихожую.

– Слушаю вас, Олег Трофимович, – сказала Диана, пригубив чаю и вновь поставив чашку на блюдечко. – О чем у нас с вами разговор?

– Что ж вы так торопитесь, – он опять улыбнулся и на этот раз посмотрел ей прямо в глаза. – Разговор у нас не очень приятный...

– Тем более, – отрезала Диана. – Это не удовольствие, чтобы его растягивать.

– Ну что ж, – он откинулся в кресле, устраиваясь поудобнее. – Воля ваша. Давайте не растягивать. Дело в том, Диана Сергеевна, что вам, вашим детям и вашему мужу, глубокоуважаемому Константину Николаевичу, в случае неудачного стечения обстоятельств не пережить следующие сорок восемь часов.

В первый момент Диана обомлела, но потом, вспомнив Костины слова об игре в солдатики, засмеялась, правда, не очень весело.

– Что за шутки, Олег Трофимович, вы отдаете себе отчет...

– Вполне, Диана Сергеевна, вполне... Позвольте уверить вас, что я вовсе не шучу...

– Вы что, раскрыли заговор? – Диана не смогла скрыть иронию и через секунду пожалела об этом, так яростно сверкнули ей навстречу его глаза.

– Может быть... Я совершенно уверен в том, что если вы и ваш муж в течение следующих суток не выполните требования одного человека, то вся ваша семья умрет. И не самой лучшей смертью.

– Послушайте, Лукьяненко, – терпение Дианы лопнуло. Шут гороховый. Отнюдь... Позвольте уверить. Дрянь какая...

– Нет, теперь уж вы послушайте меня, Диана Сергеевна. Вы действительно недооцениваете опасность. Я совершенно уверен в том, что этот человек сделает то, о чем я вам сказал. Совершенно уверен...

– И что дает вам эту уверенность?

Он рассмеялся и провел рукой по «ежику» на голове.

«Как же он все-таки похож на мышь, – подумала Диана, – на коротко стриженную мелкозубую мышь. Крупную, злую и опасную. От которой надо держаться подальше».

И, словно прочитав ее мысли, Лукьяненко чуть подался вперед, приблизившись настолько, насколько позволял сервировочный столик, стоявший между ними, и сказал, расплываясь в довольной улыбке:

– Уверенность мне дает то, что этот человек – я.

При первой встрече Костя на нее особого впечатления не произвел. Действительно, эффективным комсорга университета было назвать трудно. И рост средний, и одет без претензий. Правда, взгляд у него был необычный – очень острый, если не сказать пронзительный. Чрезвычайно живые карие глаза с ироничными искорками в глубине. Слишком умный взгляд для аппаратчика.

– Забавный тип функционера, – характеризовала его госпожа Кияшко. – Смышлен, говорят. Жесткий. Но – справедливый. Аки царь-батюшка.

– Наверное, бабник? – предположила Диана.

– Не слышала, – сказала Ольга. – Если хочешь знать мое мнение, то все комсомольские лидеры – блядуны. У них это называется «пятый пункт повестки дня».

И, видя недоумение Дианы, она продолжала:

– Четыре основных марксистско-ленинских пункта, а пятый – выпить и потрахаться.

– Ты-то откуда в курсе? Кияшко несколько не смутилась.

– Знаю наверняка. А что, хочешь проверить?

– Не откажусь.

Она сказала это просто так, чтобы подзавести всезнайку-подружку.

Костя Краснов не выглядел призовым жеребцом, и если что-то в нем и могло намекать на слабость к женскому полу, то только глаза. Ну и еще, может быть, рот с чувственной нижней губой. И, если приглядеться, ноздри тонкого, с почти незаметной горбинкой носа. А так, в целом и общем, вполне приличный молодой человек – в темном костюме, при галстуке и с комсомольским значком на лацкане. При исполнении, так сказать.

– Пошли, познакомлю, – предложила Кияшко, цепко ухватив Диану за руку. – Не бойся, не укусит.

Костя с приятелем, кажется, мехматовцем, если Диана не ошибалась, стояли в углу зала студенческого клуба и беседовали о чем-то вполголоса.

Упорная, как опохмелившийся бульдозерист, Кияшко, намертво ухватив Диану под локоть, поволокла ее через зал, одновременно шепча что-то на ухо. Оленька была уже навеселе и жарко дышала Диане в шею выпитым шампанским и сигаретами.

– А что, познакомься... Говорят, парень клевый. И не женат. Правда, общественник, но с этим жить можно. Это не гомосексуалист. Это чуть лучше.

Оля была одержима идеей – выйти замуж позже всех подруг. Создавалось впечатление, что это стало главным делом всей ее жизни. За глаза Оля уже получила кличку Ханума, правда, в отличие от литературного прототипа, безгрешностью не отличалась. И сама по большому секрету сообщила Диане, что переспала и с Лидочкиным Жориком, и еще с несколькими мужьями подруг. Просто из интереса, без всяких корыстных намерений.

Отделаться от Оли, если ей в голову приходила мысль с кем-то переспать, было так же невозможно, как забодать паровоз. Оля писала предмету страсти письма на сорока страницах – полные мук любви и вожделения, в которых не было ни одного искреннего слова. Звонила по сто сорок раз в день. Ждала под окнами. Сопровождала во время прогулок, держась в отдалении, как провинившийся кокер-спаниель.

В конце концов мужчина, если он не хотел сойти с ума, был просто вынужден исполнить всю программу, в понимании Кияшко, конечно. И после этого, только с позволения Олиного удовлетворенного самолюбия, мирно уйти. Говоря прямо, Оле был свойствен мужской тип поведения – завоевать, использовать и бросить.

Двадцатилетняя Оля вот уже год осваивала наступательную доктрину и, по мнению Дианы, вполне могла тягаться с Гудерианом, Роммелем или Жуковым. Организовать «Сталинградский котел» приехавшему в город на свою беду известному режиссеру или актеру было для нее так же просто, как опытному карманнику стащить мелочь у слепого.

Отсутствие крупной добычи она не брезговала более мелкой рыбешкой, не делая разницы между студентами и доцентами, и все свои наблюдения о партнерах по сексу, включая и антропометрические измерения интимного характера, аккуратно заносила в дневник – девичью тетрадку с пасторальными ромашками на обложке. Диана хорошо понимала, что под этой ромашковой полянкой тикает не один десяток бомб с часовым механизмом – инфарктов, инсультов, нервных потрясений и прочих, по-человечески понятных реакций героев быстротечных романов. Вся беда была в том, что кроме гипертрофированного либидо и нормальных внешних данных природа наделила ее подругу недюжинным литературным талантом и наблюдательностью. В общем, если бы Ольга когда-нибудь обработала и издала свой дневник, то истории Манон Леско показались бы просто беспомощным детским лепетом. Диана была уверена, что в Ольге умирает великий исследователь психологии мужчин. Правда, некоторое недоумение вызывал выбор органа, которым она эти исследования проводила.

Пока Кияшко волокла ее через зал, пыхтя, как паровой каток, Диана успела несколько раз раскаться в проявленном к Краснову интересе. Тем более что в действительности интересен ей он не был, а совсем недавний случай с бесподобным Сашей наделил ее способностями смотреть на противоположный пол, как смотрит мизантроп на карнавал в Рио.

Даже смутные женские желания, одолевавшие ее ранее с завидным постоянством, стали более мягкими, перешли от яркого, бурлящего бунта плоти к пастельным, импрессионистским тонам. Это благотворно сказалось на цвете лица, качестве сна и аппетите, что радовало необычайно ее маму и привело к покупке нескольких нарядов размером на один больше, чем в начале года.

– Привет, – громко сказала Оля, добравшись до намеченной цели.

Костя с приятелем обернулись, и Диана была готова поклясться, что первые три секунды Краснов пытался вспомнить, если не имя Кияшко, то, по крайней мере, где и когда он ее видел.

– Привет, – откликнулся он дружелюбно.

Его приятель тоже поздоровался и, извинившись, отошел.

– Как дела, Костик? Давненько не виделись! – зашебетала Кияшко с очаровательной непосредственностью.

Она всегда считала, что легкая фамильярность способствует развитию нормальных взаимоотношений. У нее были своеобразные понятия о легкой фамильярности и нормальных отношениях.

– Как там у нас в комсомоле? Работа кипит?

В его глазах запрыгали огоньки, а ироничная улыбка на мгновение возникла и тут же спряталась в уголках рта.

– Если хочешь, – сказал он, сохраняя серьезное выражение лица, – я могу подробнее осветить этот вопрос специально для тебя.

Он вздохнул, словно набирая воздух в легкие перед тем, как нырнуть, и начал говорить совершенно серьезным, официальным тоном, точь-в-точь как комсомольский вожак в кино.

– Итак, за отчетный период 1983 года в нашей комсомольской организации, состоящей из пяти тысяч четырехсот семидесяти двух комсомольцев, произошли следующие события. Во-первых, вся молодежь как один...

Кияшко опешила. Она никак не могла представить себе, что ей предстоит выслушать подробный отчет о деятельности комсомольской организации в столь неподходящем месте в ответ на вопрос, заданный для проформы. Флирт не задался.

Диана невольно рассмеялась. Увидеть непробиваемую Кияшко в недоумении... Растерявшаяся Олечка – это уже что-то...

– ...ответив на призыв очередного съезда партии...

– Джанино Джанинни, – сказала Кияшко с восхищением. – Марлон Брандо. Дастин Хоффман. Лоуренс Оливье.

– Ну тогда, – Костя засмеялся, – прошу добавить «сэр». Все ли понятно? Я обязан полностью осветить для комсомолки Кияшко интересующий ее вопрос. Как комсомолец и старший товарищ.

Начав ерничать, Костя оказался на Олиной территории, а уж тут равных ей не было – она могла вогнать в краску кого угодно. Невзирая на лица и чины. Диана уже с откровенным интересом наблюдала развитие событий, предвкушая дальнейшее.

– А если бы я тебе задала более интимный вопрос? – спросила Кияшко, прищурившись. – Что бы ты мне ответил как комсомолец и старший товарищ?

– Правду и только правду! – Краснов явно знал правила игры и отступить не собирался. Может быть, в своем кабинете он вел бы себя иначе, но обстановка вечеринки давала ему возможность быть раскованным и неофициальным. – Комсомол не против интимности, но коллектив должен знать, что скрывается за этим полубуржуазным понятием. У нас нет секретов от коллектива.

«Ну сейчас она ему врежет, – подумала Диана, – врежет на полную катушку. Мало не будет. Только перья полетят. И правильно!»

Кияшко обладала редким качеством – она не смущалась ни при каких обстоятельствах. Когда во время работы в колхозе рухнула стенка деревянной душевой, и вся женская часть группы бестолково металась по развалинам в поисках полотенец, визжа и прикрывая ладонями разные части тела, Кияшко, осознав, что рук всего две, а того, что нужно прикрывать, по общему разумению, больше, вышла вперед, уперла руки в бока и, покрыв покатывающе от смеха однокурсников пятиэтажным матом, в течение минуты сделала так, что стенку вручную установили на место и держали до тех пор, пока все необходимое не было надето.

Но, к удивлению Дианы, на этот раз Кияшко в бой не ринулась. В схватке между шекспировской Катариной Строптивной и Ханумой победила Ханума. Изобразив лицом и по возможности остальными частями тела максимум покорности победителю, Олечка включила «задний ход».

– Ладно, тогда об интимном позже! Сам нарвался! – сказала она с многообещающими интонациями. – А сейчас я хочу тебе представить свою подругу – Диану Никитскую. Незнакомы?

– Нет, – Костя подал Диане руку. Ладонь у него была теплая и сухая. – Краснов. Костя.

– Диана, – ответила она.

– Она у нас, – продолжила Оля, – комсомолка, отличница, но не спортсменка...

– Поправимо, – отозвался Костя.

– Не замужем, бездетна, – Кияшко было уже не остановить, – в порочащих связях не замечена, в непорочных, как ни странно, тоже.

Диана почувствовала, что краснеет. Эти двое пикировались, совершенно не обращая внимания на ее присутствие.

– И все-таки чуточку об интимном, – не удержавшись, с издевкой продолжала Кияшко. – У многих комсомольцев возникает вполне законный вопрос. Как лидер столь многочисленной организации до сих пор не создал основной ячейки советского общества? И не является ли его отказ от создания подобной ячейки...

Глаза у Дианы в прямом смысле полезли на лоб: «Что она плетет? Какая ячейка?»

– Оля! – выдохнула она.

– ...признаком внутренней распущенности лидера, его буржуазных склонностей? Или, может быть, интересы лидера лежат в совсем чуждой каждому советскому человеку области?

С каждым Олиным словом брови Кости ползли вверх, а уголки рта – в разные стороны. А Диана чувствовала, что погасни сейчас в зале свет, то ее щеки и уши засветятся в темноте ярче, чем аварийные лампы.

– Я, пожалуй, пойду, – несмело сказала она. «Совсем с ума сошла, Кияшко? Сводня сумасшедшая!»

– Вы уж тут без меня...

Но вырваться от Оли, когда она занялась любимой работой, было делом безнадежным, как в прямом, так и в переносном смысле. Диана попробовала освободить руку от ее хватки как можно более незаметно для окружающих, но из этого ничего не вышло – Кияшко держала ее, как оголодавший бультерьер пойманного кота.

– Надо понимать, – сказал Костя, оглядывая обеих подруг достаточно бесцеремонно, – что комсомолка Никитская предназначена коллективом в боевые подруги лидеру? Отлично! Благодарю за службу.

Он ловко перехватил Дианину руку.

– Нам нужно поближе познакомиться, – он посмотрел Диане в глаза, и ей понравилось то дружелюбие, которое в них на мгновение мелькнуло, но предназначенный для Кияшко спектакль Краснов продолжил практически без паузы: – Мы просто не можем пренебрегать мнением коллектива.

Он посмотрел на Ольгу, а потом и на Диану, как князь Игорь на плененных половчанок.

– Комсомолка Кияшко, вы свободны, – сказал он официально. – От имени ячейки выражаю вам благодарность.

– От имени какой ячейки? – ехидно спросила окончательно обнаглевшая подруга.

– Будущей, – бросил он через плечо, отводя Диану в сторону. – Основной. О которой ты так печешься. Благодарность в приказе хочешь?

Кияшко, фыркнув, гордо удалилась, покачивая крутыми бедрами по увеличенной амплитуде. Пронять ее было невозможно, а вот у Дианы было ощущение, что впросак в результате попала она.

«Удрать, – это было первое, что пришло в голову, – немедленно. Ну, Оля, я тебе брови выщипаю!»

– Прошу прощения, – сказал Костя, явно уловив ее настроение. – Я подумал, что если этот разговор не закончить, то вам будет не очень уютно.

– Мягко говоря, – сказала Диана, не зная, как себя вести дальше. Бежать прямо сейчас? Но он-то вроде бы ни при чем?

– Где вы сидите? На юбилеях факультета просто невозможно найти место. Я свое потерял.

– Пятый столик.

Им повезло. Пятый столик в полном составе участвовал в групповой пляске перед эстрадой. Судя по количеству бутылок под столом, они могли бы участвовать и в танце шаманов на побережье Огненной Земли. Особой разницы не наблюдалось.

Краснов, садясь, зацепил бутылки, улыбнулся и сделал вид, что ничего не заметил.

«Ах, какие мы либеральные!» – с неожиданным раздражением подумала она.

– Подруга у вас веселая, Диана. За словом в карман не лезет.

– Вы извините, Костя, – сказала Диана, решившись уйти, – я, наверное, пойду. Очень некрасиво все получилось. Извините.

Он придержал ее за локоть.

– Давайте договоримся, – теперь голос у него был серьезным, – не обращать внимания на то, что говорят посторонние. Я думаю, что слова вашей подружки на вас особого впечатления произвести не должны. Да и что она, в принципе, сказала?

– Она не посторонняя, – возразила Диана, – а говорила она пошлости...

– Вы пошлости не говорили? – спросил Краснов. – Почему тогда вы смущены? Почему вы извиняетесь? Я вас обидел чем-нибудь?

– Нет.

– Она вас обидела?

– Да. Но это наше с ней дело.

– Прекрасно. Значит, к вам и ко мне это отношения не имеет? Тогда давайте чуть-чуть шампанского, – он ловко ухватил с соседнего столика два чистых бокала, – и примите как совет. Никогда нельзя допускать, чтобы на ваши собственные впечатления накладывалось чужое мнение. Мало ли кто и что о ком говорит? Не надо верить Кияшко. Верить можно только себе...

Диана внезапно разозлилась. Кто он такой, чтобы позволять себе менторский тон?

– Ага. Только вам? И партии?

– Мне нравится, когда вы злитесь. Вы красивая. Смущение вам идет меньше. Верьте своим чувствам, своим впечатлениям. Можно ли верить мне – это вопрос, который нам предстоит обсудить. А вот насчет партии... Не знаю, Диана, решайте сами.

– Странно слышать такое от вас...

– Ничего странного... Ах да... Вы имеете в виду, что я... – Он налил шампанское в бокалы. – Видите ли, Диана, – Краснов прищелкнул пальцами, чуточку картинно, так что Диана сразу поняла, что он, несмотря на свою внешнюю уверенность, тоже изрядно смущен ситуацией, в которую они попали. Нет, все-таки Кияшко – стерва, каких мало! Жаль, что их не познакомил кто-нибудь другой! – Я не люблю говорить с хорошенькими женщинами о политике.

– А вы попробуйте... – сказала она с вызовом. – Я так поняла, что одно слово в предыдущей фразе вы пропустили.

– Какое?

– С хорошенькими глупенькими женщинами... Он опять рассмеялся.

– Давай на «ты», если уж такой разговор пошел.

– Давай, – согласилась Диана. – Как говорят, в комсомоле «вы» не бывает? Только учти, я, может, не такая резкая, как моя подруга, но тоже не люблю, когда передо мной играют, как в театре.

– Совпало, – сказал Краснов, – значит, будем откровенны? Договор? Тогда так... Любая партия – это группа людей, защищающая исключительно свои интересы. Людям, не имеющим с тобой общих интересов, доверять опасно. А значит, этого делать нельзя. Или ты в команде, или будь настороже. Так достаточно прямо? Без игры?

– Не могу понять – это из Ленина или из Макиавелли?

– Из Краснова.

– Самоцитата. А ты не боишься, что я... Он перебил ее решительным взмахом руки.

– Стучать ты не будешь. Это я по тебе вижу. Да и ничего особенного я не сказал. На самом деле, все зависит от трактовки, не так ли, мадемуазель филологиня?

– Не считаешь, что в твоём положении думать так, а говорить иначе – это двуличие. И не только в твоём положении...

Он покачал головой, глядя ей прямо в глаза.

– Нет, не считаю. Просто логичный закономерный шаг. Пионер, комсомолец, коммунист... Разве кого-то волнуют твои истинные убеждения? Это как лестница – ты просто должен сделать следующий шаг, чтобы подняться еще выше. Ты же тоже комсомолка? А зачем тебе это?

Его слова не на шутку напугали Диану. Откровенность откровенностью, но...

В доме разговоры на эти темы не поощрялись. Отец вступил в партию в шестидесятом, еще будучи аспирантом, и аккуратно посещал собрания, никогда не говоря в семье о политике. Так было надо. И все, на этом вопрос был закрыт. Диана, как и ее мать, политикой не интересовалась, хотя с удовольствием читала попадавший в руки самиздат – обращая внимание скорее на литературную «непохожесть», чем на смысловые акценты.

Она твердо усвоила с детства, что есть темы, которых надо избегать. Например, что случилось со старшим папиным братом и с мамиными бабушкой и дедушкой? Почему мамин отец, дедушка Леша, вернулся домой после войны только в пятьдесят четвертом году? Что, собственно, произошло в Чехословакии в 1968 году? И что за контрреволюционный мятеж в Венгрии, о котором она краем уха слышала, случился в 1956-м? На эти вопросы ответов она бы никогда не получила, имеется в виду нормальных, правдивых ответов. Поэтому, а может быть, и не только поэтому, она их и не задавала. Ни в семье, ни вне ее.

В выдуманном ею, ее собственном мире и в чуточку картонном окружающем было гораздо проще. Категории любви, предательства, ревности, отваги и трусости в отечественной трактовке не нуждались в дополнительных разъяснениях. Есть «наши» и есть «не наши». «Наши» всегда хороши, остальное – от лукавого. Изображение действительности было четким, как на экране старого телевизора «Горизонт». Черно-белым, позволяющим отличать добро от зла без особого труда. Более того, отказ от полутонов облегчал реальную жизнь, внося в нее какой-то элемент упорядоченности. К чему же создавать сложности там, где их можно избежать, соблюдая просто-напросто некоторые табу? Зачем говорить о том, о чем все договорились не говорить?

Он, конечно, старше ее года на три, от силы – на четыре. Может быть, он лучше разбирается в каких-то житейских вопросах, но говорит он с ней в недопустимом тоне. Как учитель. Не имея на это никакого права. В этом игнорировании табу есть что-то интимное, что ли? Пора его осадить.

– Торговля убеждениями ради карьеры? – она вложила в голос как можно больше презрения, которого в действительности не чувствовала, нарушая уже объявленные в разговоре договоренности.

– Упаси боже! – он всплеснул руками в удивлении. – Убеждениями не торгую. Просто мое поведение не выходит за рамки, допустимые моими же убеждениями. На своем месте я стараюсь приносить максимум пользы окружающим и себе, своей матери, своим друзьям. Власть

– не цель, а инструмент, и я уверен, что пользуюсь им правильно. Более того, я приложу все усилия, чтобы и в дальнейшем иметь в руках этот инструмент.

Он чем-то раздражал ее, и раздражал с каждой секундой сильнее и сильнее. Уверенностью в жестах? В словах? Продуманностью интонаций? Смысловых акцентов? Или тем, что речь его была слишком изящна и правильна для аппаратчика и будущего функционера? Раздражал внимательный взгляд из-под ресниц, постоянно прячущаяся в изгибе губ ирония.

«Все раздражает, – решила Диана. – Крайне самоуверенный, наглый, беспринципный тип. И Кияшко таки стерва... Нашла себе тему для шуточек».

Решительные нагловатые мужчины пугали Диану. Будучи от природы свободолюбивой, она, словно выросшее в теплице растение, считала себя достаточно сильной, не понимая, что сила и бессилие есть в каждом человеке, но только обстоятельства могут выпустить одну из этих двух составляющих на свободу.

При столкновении с чужой решительностью и напором Диана пасовала. Хотя с равным или более слабым могла проявить властность и силу характера, не опускаясь до хамства, интуитивно ощущая тонкую грань между ними. Сидящий напротив нее человек, несомненно, обладал природным магнетизмом и силой воли. Она чувствовала это кожей. Он привык управлять и быть лидером, а значит, и испытывать постоянное противодействие окружающих. И побеждать. Им невозможно было владеть или управлять, и, поставив перед собой цель, он мог идти напролом.

Герой не должен склоняться перед дамой, даже если это единственное, перед чем он должен склониться. Ни единого шанса на лидерство, а с этим она смириться не могла! Диана знала, что такие мужчины таят для нее опасность, что если этот самоуверенный кареглазый тип захочет забрать ее свободу, то заберет в один момент. И она ровным счетом ничего не сможет с этим поделать. В этой мысли было что-то пугающее и одновременно притягательное, как в дымчатом дамасском лезвии, остром и смертоносном, медленно скользящем прочь из ножен. Значит, пора оканчивать этот разговор.

– Я не разбираюсь в этих вещах, – сказала она достаточно резко, чтобы дать понять о бессмысленности спора и продолжении беседы. – Не нахожу их интересными. Тем более что мне пора.

– А если я попрошу тебя не уходить?

– К чему?

– Мне приятно говорить с тобой. Можешь в это поверить?

– Найдешь кого-нибудь другого. Я не люблю выступать в роли неразумного дитяти.

– Я говорил с тобой, как с ребенком? – Да!

– Прости, – сказал он с обезоруживающей простотой, разведя руками совершенно по-мальчишески. – Я не хотел. Согласен, это не лучшая тема для разговоров с девушкой, но, клянусь, ты, по-моему, первая филологиня, кто при знакомстве со мной не спрашивает тоненьким голоском: «Костя, а вы читали Томаса Элиота?»

Он так похоже изобразил лицом и голосом абстрактную филологиню, что Диана не могла удержаться от улыбки. Нет, в нем что-то определенно было. Но все равно – прочь!

– Мне действительно пора. Было приятно поговорить, – сказала она с максимальной холодностью.

Он встал.

– Жаль. Мне тоже.

Она уже сделала несколько шагов в сторону, когда он окликнул ее.

– Диана!

Она обернулась.

– Я знаю, что это может разозлить тебя, но все равно скажу.

Смена тона с нейтрального на почти просительный заставила ее на мгновение растеряться и замедлить шаг. И за это время он оказался рядом с ней.

– Я обязательно тебе позвоню, – он вовсе не спрашивал, а просто ставил в известность.

А взгляд? Что это с ним такое? Такой взгляд мог быть у варвара-завоевателя, а не у цивилизованного человека. Она чувствовала его материальность, он был вещественным доказательством... Только вот чего? Это длилось не более полсекунды. Тарковщина какая-то! За эти доли мгновения колени у нее, казалось, стали гибкими, а еще через миг – наваждение прошло, хотя осталось ощущение ожога, будто бы к коже живота прижали раскаленное клеймо.

– Дело в том, Ди, – он тогда впервые назвал ее Ди, – что у меня появилось предчувствие. Ты веришь в предчувствия?

– Какое? – ей показалось, что она говорит шепотом из-за пересохших в момент губ. Просто черт знает что происходит! Что это он себе позволяет? Немедленно уходить!

– Мне почему-то показалось, что твоя подруга права. И в моей жизни придется кое-что менять.

Она не стала спрашивать – что, а, развернувшись, молча пошла к выходу, зная, что завтра услышит его голос. Она оказалась права. Он позвонил.

Диана не была напугана. Это было слишком чудовищно, чтобы разум мог сразу принять известие, осознать сказанное этим развалившимся в кресле человеком-мышью и испугаться. Внутри нее, четко понимающей собственную незащищенность, сейчас ожил какой-то чуждый ей организм, холодный и расчетливый. Именно он помогал ей в эти минуты оставаться в здравом уме, не бросаться с визгом на Лукьяненко и его головорезов. Этого нельзя делать. Это то, чего они ждут. Это их схема. Они хотят, чтобы она боялась. До смерти.

Она, словно издавек, слышала несущееся сверху треньканье видеоигры. Что-то говорила Дашка. За окном порыв ветра качнул верхушки сосен и, прочертив рябью темную речку, нырнул в кустарник, густо разросшийся на другом берегу.

Диана подняла взгляд на Лукьяненко и сама удивилась естественному звучанию своего голоса.

– И о каких требованиях идет речь?

– Люблю деловой подход! – На его лице была написана неискренняя радость, скрывавшая настороженное ожидание.

«Будь ты проклят!» – подумала Диана, леденея от отвращения.

– Мне необходимо, чтобы Константин Николаевич, будучи в Германии, сделал для меня один пустячок.

– Бросьте, Лукьяненко, – сказала Диана. – Из-за пустячка вы бы его семье смертью не грозили.

– Наверное, вы правы, – легко согласился он. – Пусть. Хотя, на мой взгляд, в сравнении с вашей жизнью и жизнью ваших детей то, о чем прошу я, действительно кажется пустячком.

– У вас странная манера говорить. Ни слова в простоте. Чего вы хотите?

У нее создалось впечатление, что Лукьяненко собирается с духом. Уверенности у него не было. Он превосходно владел собой, но что-то в его поведении говорило о том, насколько много значит для него то, что он собирался получить. Не просто важно. Жизненно важно, если правильно оценить различие.

– Сначала, – сказал он, упершись в нее взглядом, – о правилах игры. Начнем с того, Диана Сергеевна, что, начиная с этой минуты, вы и ваши дети будете находиться под нашим контролем. Вы можете свободно передвигаться по дому, дети могут играть во дворе под присмотром нашего сотрудника. Никакого контакта с внешним миром у вас не будет, и за попытки его наладить вы будете жестоко наказываться. Вам запрещается говорить с кем-либо, кто придет

сюда. Хотя, будем надеяться, что сюда, кроме тех, кого мы с вами ждем, никто не придет. Я рад, что Константин Николаевич любит уединение. Это здорово облегчает нашу задачу.

«Пусть говорит, – думала Диана, – он уже давно представлял себе, как и что он будет говорить. Готовился. Может быть, даже репетировал перед зеркалом. Что ему надо, сраному психологу, чего он тянет?» И тут та, вторая, до смерти перепуганная, отчетливо сказала у нее внутри: «Только бы с детьми ничего не случилось». И Диана обмерла, стараясь не проявить на лице охвативший ее, на этот раз почти бесконтрольный ужас.

– Я знаю, что Константин Николаевич сегодня перезвонит вам, чтобы сообщить свой номер телефона в гостинице... Кстати, в доме два аппарата?

– Да, – сказала Диана. – Радиотелефон здесь и радиотелефон в гостиной второго этажа.

– Ваш мобильный?

– У меня нет его с собой.

Это было правдой. Ее телефон лежал между сиденьями в стоящей на лужайке «Астре». А значит, недосыгаемый, как Северный полюс. И батарейка в нем должна была быть на последнем издыхании. Проклятая забывчивость! Ну кто б знал?!

– Превосходно, – он сделал движение рукой, и один из свиты двинулся по винтовой лестнице на второй этаж.

– Детей не испугайте, – беззлively проговорила Диана, усилием воли овладев собой, – видом своим.

Через несколько секунд лукьяненковский головорез опять спустился вниз, уже с телефонной трубкой в руке.

– Ма! – спросил Марк сверху. – У нас гости?

– Да, сынок! – ответила она спокойно.

Какое счастье, что он еще слишком мал, чтобы почувствовать неладное.

– Продолжим, – сказал Лукьяненко. – Сегодня, говоря с мужем, вы скажете ему, что до того, как банки прекратят операции, он должен изыскать возможность перевести находящиеся на нашем корреспондентском счету там сорок миллионов долларов. На другой счет, который я ему дам. Всего мы имеем на корсчетах пятьдесят шесть миллионов, по состоянию на пятницу в пятнадцать часов. В общем-то я сам скажу ему все, что нужно. Ваша задача – заставить его понять, что он должен это сделать.

Более всего Диану поразило сказанное им «всего мы имеем». Мы. Одна команда. Костина мечта.

– Предположим, мне удастся его уговорить, – спросила она. – Что последует за этим?

– Мы убедимся, что деньги поступили, ну и так далее... Это дело техники, Диана Сергеевна.

– Я имела в виду не это. Что будет с детьми, со мной?

Он смотрел на нее с таким физиологичным, другого слова не подберешь, превосходством, что у Дианы зазудела правая ладонь. Желание стереть эту ухмылку с его физиономии просто одолевало.

– После того как все закончится, вы останетесь здесь, в собственном доме, и будете продолжать наслаждаться жизнью. Вот и все! Разве не пустячок?

Он сделал жест рукой, будто бы приглашая ее еще раз оценить всю прелесть окружающей обстановки.

– И предупредите мужа – не надо обращаться в органы, вызывать спецподразделения. Дверь в доме бронирована, на окнах – решетки. Я в некотором роде тоже профессионал, и поверьте, Диана Сергеевна, и вы, и дети погибнете гораздо раньше, чем сюда ворвется группа захвата.

– За похищение людей у нас, кажется, полагается смертная казнь? Даже профессионалам?

Он внезапно подался вперед, снова нависнув над сервировочным столиком. Нет, все-таки не мышь, змея, ставшая в стойку. Глаза у него стали нехорошие. Очень нехорошие. Мертвые глаза. Только не паниковать!

– Для того чтобы казнить, нужно поймать, не так ли, золотце мое?

– «Золотце мое» – это из вашего бывшего лексикона? Лексикона сотрудника органов, Лукьяненко?

Он опомнился, мгновенно поправил сползшую на миг маску, и глаза его стали нормальными. Он даже добродушно рассмеялся: ни дать ни взять – добрый дядюшка в гостях у племянницы.

– Какая разница, Диана Сергеевна! Ну какая разница, кем я был? Кем буду после? Важно только то, что может случиться или не случиться с вами и вашими детьми. Об этом думайте! Вы, как я уверен, женщина разумная, из хорошей семьи. Знаете цену жизни, любите комфорт и удовольствия. И умирать не хотите. Надо отдать вам должное, держитесь вы хорошо. Меня вот пытаетесь разозлить. А сами-то – перепуганы. Вам очень страшно. И правильно боитесь, Диана Сергеевна. Потому что сейчас вы, вся ваша семейка у меня вот где, – и он продемонстрировал Диане худой кулак.

Пальцы были тонкими, как у пианиста, поросшие тонкими черными волосками.

– А запах вашего страха я очень хорошо слышу, – он произнес «очень» растягивая – «оч-ч-чень». – Я, как вы знаете, к этому запаху в свое время притерпелся. В тех самых «органах». Героев не бывает, Диана Сергеевна. Человек по своей природе животное трусливое.

Диана знала, что в чем-то этот, напоминающий своими прищепываниями и вкрадчивыми интонациями толкиеновского Горлума человек прав.

Она боялась. Но именно это чувство и заставляло ее сейчас выглядеть более спокойной и сдержанной, чем могло бы быть соответственно ситуации. И если бы страх был не таким сильным, она бы сейчас рыдала в голос. Видит Бог, ей очень хотелось заплакать. Но наверху были дети. Их с Костей дети. А значит, она должна что-то придумать, чтобы они остались в живых. Для начала пусть этот вурдалак говорит побольше. Диана чувствовала, что в изложенном им плане есть какое-то слабое место. Или ложь, сказанная специально для нее, что более вероятно. Костя позвонит не ранее трех по Европе. Час разницы. Значит, у нее в запасе еще пять часов. Достаточно, чтобы послушать и подумать. Главное – послушать.

В конце октября Диане исполнилось двадцать один. Осень стремительно неслась к своему финалу, и после неожиданно жаркого бабьего лета деревья, разом сбросив листву, одевались по утрам в белую шершавую корочку инея. Дольше всех держался старый развесистый клен, который хорошо был виден из окна ее спальни.

Но скоро и он сдался и сник под бесконечными ноябрьскими дождями.

Под низким с мохнатыми свинцовыми тучами небом на асфальте морщились от ветра лужи, и по вечерам, в металлическом свете ртутных фонарей, примороженные улицы казались покрытыми жидкой амальгамой.

В жизни Дианы наступил период борьбы и страданий.

Она впервые столкнулась с человеком намного сильнее ее, и для нее стал открытием подавляющий эффект чужой воли – как будто бы чья-то сильная, мускулистая рука, ухватив ее за затылок,гнула к земле.

Костя никогда не навязывал своего мнения, наоборот, все, что он говорил, облекалось в мягкую, не ранящую форму. Но четкость его определений, логика и уверенность в своей правоте злили ее до зеленых кругов перед глазами. Да, рядом с ним было интересно. Он не походил на большинство тех мужчин, с кем она встречалась раньше. Умел развеселить, был по-настоящему умен, эрудирован и по-своему привлекателен. Он не был прилизанным маменькиным сыночком; иногда в его суждениях проскакивали циничные нотки, и Диана понимала,

что при определенных обстоятельствах Краснов может быть человеком очень жестким, если не жестоким.

Он проповедовал абсолютный прагматизм, хотя, как многие из проповедников, не во всем следовал собственным заповедям. Он был способен на поступки, выходящие за рамки Дианиных представлений о том, как должен вести себя Герой, но всегда, или почти всегда, четко придерживался некоторых канонов, которые сам посчитал правильными.

Когда он позвонил ей, как обещал, Диана решила, отталкиваясь от накопленного опыта, что после первой же встречи потеряет к нему всякий интерес, и, наверное, поэтому сразу же согласилась встретиться.

Мирной беседы не получилось. Диана ошетижилась, и вечер прошел в бесплодных попытках уязвить его. Казалось, Костю совершенно не волновала ее нескрываемая агрессивность. Он был весел, непринужденно и беззлобно смеялся над ее язвительностью, рассказал несколько смешных историй, но, несмотря на это, Диана к концу их первого свидания была готова его искушать. Он понравился бы ей гораздо больше, если бы сморозил какую-нибудь глупость, повел бы себя как идиот. Если бы он надел невообразимо безвкусный галстук или у него оказались грязными ногти. Назло ему, ей хотелось быть вульгарной, показать, что она бывалая девица, покорительница мужчин, что она умнее его, но...

Диана не могла даже придумать, каким образом все это можно изобразить, как вывести его из равновесия. Он злил ее сильнее с каждой минутой, и она боролась с желанием развернуться и уйти. Или впиться ему ногтями в лицо.

Костя проводил ее до дверей подъезда и, попрощавшись, посмотрел на нее с таким удивлением, что Диана разревелась от стыда еще на лестнице.

«Теперь он не позвонит, – думала она, открывая дверь в квартиру, – и так мне, дуре, и надо».

Она сама не могла понять, что на нее нашло.

В ванной, умывшись, она посмотрела в зеркало на свою грустную физиономию с покрасневшими глазами и, надо сказать, вполне обоснованно показала себе язык.

Родители куда-то ушли, в доме было пусто и тоскливо. Рыжий перс-полукровка, кот по кличке Суффикс, бессовестно дрых в кресле в гостиной. Бессмысленный, одинокий вечер...

Диана вдруг представила себя старой, немощной, сидящей в кресле с Суффиксом, тоже больным и старым, на коленях. Перед древним, мерцающим полудохлой трубкой телевизором, в старых шлепанцах и разорванном под мышкой халате... Зрелище было настолько жалкое, что глаза ее начали наполняться слезами, и она чуть не разрыдалась от жалости к самой себе.

Она прошла на кухню, налила себе молока в любимую чайную чашку, ухватила со стола несколько галет и в самом мрачном настроении улеглась на диване у себя в комнате.

Будучи от природы человеком очень не глупым, Диана прекрасно понимала природу своей хандры, или, если уж говорить красиво, сплина. Не было ни гроша, а тут – алтын. Сравнив Краснова с алтыном, Диана невольно улыбнулась.

Желание любить так же естественно для человека, как и потребность в воде, еде, сне... Но при наличии амбиций и мало-мальского интеллекта эта потребность значительно труднее удовлетворяется. Диана немного завидовала подругам, которые решили эту проблему одним махом, по крайней мере в ее физиологическом аспекте.

Еще до развала «Женского клуба», во время длинных вечерних бесед она поняла всю недолговечность и показушность декларируемой независимости. Путь был один, мало чем отличающийся от пути бабушек и мам нынешних эмансипе: замужество, дети, работа для проформы (разве можно быть реально независимой при такой зарплате), квартира, машина, дача, внуки... Только на пути мам и бабушек было куда больше трудностей и лишений, и именно поэтому они всеми силами ограждали своих благополучных дочерей от малейших неприят-

ностей, желая им блага и отбирая у них возможность «сделать» себя, самостоятельно решить свою судьбу.

Замужество было прекрасным выходом из всех сложностей жизни в родительском доме (о будущих, куда более тяжелых сложностях в собственной семейной жизни мало кто из девушек задумывался), и Дианыны подруги, словно лемминги, повинующиеся неслышимому сигналу, бросались в брак, как в океан, крепко держась за руку нелюбимого, а иногда и малознакомого человека.

Большая любительница и тонкий знаток чужих мужей Оля Кияшко, наблюдательная и ехидная, в таких случаях всегда говорила с трудно скрываемой брезгливостью: «Мадам торопится сдать щель в эксплуатацию, а я предпочитаю взять член в аренду». Это была своеобразная декларация независимости, но все-таки она вызывала у Дианы куда большее понимание, чем Лидочкин Жорик в роли жизненной опоры.

Кияшко решила свои проблемы совсем другим путем, от которого коробило благовоспитанных подруг, хотя, по утверждению самой Кияшко, они просто завидовали.

«Представь себе, – говорила она Диане, – наши коровы решают выкинуть какой-нибудь номер... Но что скажет муж? Что скажет мама? А не дай бог это станет известно папе? Что подумает обо мне общество? И ей плевать, что у мужа рубашка и трусы в чужой губной помаде через день, и он, стоит ей отвернуться, готов поиметь все живое в радиусе километра. Что с того, что ее порядочные мама с папой вот уже пять лет по вечерам целуют друг друга только в щеку и тепла в них не больше, чем в отморозенной заднице? Нет, это не по мне! Я сама буду выбирать того, кого мне трахнуть, и горе тому, кто подумает, что может трахнуть меня!»

Диана не переставала удивляться агрессивности подруги, и часто Олины декламации заставляли ее краснеть. Но семейная жизнь ее соучениц складывалась в основном достаточно безрадостно, быстро превращая их в настоящих советских женщин – наделенных от природы необычайной привлекательностью, обреченной на гибель в течение одной пятилетки. Или «пятиевки», если пользоваться терминологией Кияшко. От потускнения, или, говоря иначе, «обабливания», было одно временное лекарство – обеспеченность. Но и оно не спасало – просто это была другая колея, такая же глубокая и более продолжительная, но конечный пункт был предопределен.

Она хотела своего пути и, в силу природной самоуверенности, считала, что иначе просто быть не может. Выйти замуж не было проблемой. Было бы желание, а найти более или менее подходящую пару «штанов» – дело техники и двух недель времени. Но как же быть с мыслями?

Наиболее неохотно человек расстается именно с иллюзиями о самом себе, и Диана не была исключением. Она считала себя сильной, волевой женщиной, имеющей четкие цели в жизни, чуть-чуть карьеристкой (не хватает пробивной силы, чтобы убрать это мешающее «чуть-чуть»), полностью независимой от мужчин и их влияния. Был, правда, один пункт, в котором она чувствовала за собой слабинку, – оставаясь девственницей, она до конца не представляла себе, что такое влияние мужчин и что значит быть от него независимой.

И Диана придумала себе любовника. Это решало сразу две проблемы: и девственности – постоянного объекта насмешек со стороны более опытных подруг, и незнакомых молодых людей с влажными блудливыми руками, которых ее соученицы специально для нее таскали на все совместные вечеринки. Воображение оказалось отличным помощником, и любовник получился на славу. Тридцатилетний женатый ученый, чуточку близорукий (очаровательная деталь), но стесняющийся носить очки, высокий, слегка сутулый, влюбленный в нее до беспамьяства, счастливый отец двоих детей, и жена у него, конечно, холодная стерва.

Сначала Диана хотела придумать тяжелобольного ребенка, но сообразила, что перегибает палку, превращая их вымышленный роман в мелодраму. Стерва-жена, не дающая ее Андрюше развода, – гораздо правдоподобнее. Сообщив Лидочке по секрету, что с девственностью покончено, она была на все сто процентов уверена, что через два дня об этом будут знать все.

Более всего Диану поразило, что все ее замужние подруги ей ужасно позавидовали. Это было так романтично – женатый любовник. За неделю она выслушала столько поздравлений, сколько не получал покойный дорогой Леонид Ильич к своему семидесятилетию. Она даже не подозревала, что чужая половая жизнь может быть для других более интересна, чем своя собственная. К поздравлениям присоединился даже Жорик, и Диана начала подумывать, а не стоит ли ей ждать вызова в деканат и почетной грамоты в связи со столь знаменательным событием.

Только Оля Кияшко осталась совершенно равнодушной и в столовой, глядя на Диану с насмешкой, спрятанной в глубине красивых черных глаз, сказала:

– Пиздишь, мать! Голову даю на отсечение, пиздишь, как Троцкий. Если бы твой Андрюша тебя трахнул, или даже если бы он просто был, я бы это сразу увидела. Это не прыщ, не спрячешь...

– Если бы его не было, его надо было бы выдумать, – Диана понимала, что обмануть не удастся.

– Вот, вот... – закивала Кияшко. – Давай, мать, выдумывай. Хочешь быть как все?

Как все Диана быть не хотела никогда, но Ольга была права. Ее лож позволяла ей не выделяться.

Труднее оказалось легенду поддерживать. Народ требовал подробностей, а Диана в деталях не разбиралась и боялась рассказать что-нибудь не то. Ее познания в области, которую ее мама называла «очень опасным занятием», были настолько незначительными, что любой вопрос подруг мог оказаться роковым. Более того, к ней стали обращаться за советами, а уж тут почва стала совсем зыбкой. Только окутав свои с Андрюшей отношения туманом таинственности, Диана перевела дыхание, а через месяц, чувствуя себя автором «Человеческой комедии», она была уже не рада своей изобретательности. Герой явно старался жить своей собственной жизнью – Диана завралась. Значит, роману пора было заканчиваться. Диана сыграла трагедию, тщательно скрывая радость избавления от затянувшейся игры, и вновь все стало на круги своя.

Через неделю, в середине октября, наглоющая Кияшко, явно не без умысла, познакомила ее с Костей.

В ванной Диану начало трясти. Даже зубы разболелись – так ей пришлось сжать челюсти, чтобы не разрыдаться. Но слезы все же хлынули из глаз, и она со свистом втянула в себя воздух.

Выхода не было. Возле входной двери на стуле сидел один из лукьяненковских истуканов. Квадратный, стриженный под ежик жлоб с серыми и безжизненными, как дохлые мыши, глазами.

Второй, с переломанными ушами, вытянутым вверх, словно острый конец яйца, черепом и огромными залысынами, открывающими красную себорейную кожу, занял позицию на кушетке, в дальнем конце гостиной, между двумя забранными кованой решеткой окнами.

Сам Лукьяненко, развалившись, сидел в кресле, закинув ногу на ногу. Перед ним на столике из темного стекла лежали трубки двух радиотелефонов.

Третий охранник, низенький, маленький, но крепкий, как грибок, с волосами, прилипшими к макушке, сидел на стуле возле винтовой лестницы. Глаза у него слезились, словно от дыма, и он все время моргал.

Диана открыла кран и ополоснула лицо холодной артезианской водой. То, что сбежать не удастся, было совершенно очевидно. Даже одной, без детей, а она их не оставит никогда. Позвонить? Невыполнимо. Оба телефона были оснащены громкой связью, но клавиш набора на базах не было, и линия только одна. Мобильный отключен и лежит в машине. Кричать? Бесплезно! До сторожа на плотине не докричишься, а сторожка лесника – в десяти километрах к северу. Одним словом, заповедник. Шоссе? До него пару километров, а это сейчас как до Африки. Забаррикадироваться на втором этаже? Чуть лучше, но только если заклинить

комодом лестницу. Или сервантом. Ни комод, ни сервант она с места не сдвинет. Деревянная мебель под старину слишком тяжелая, в ней самой пятьдесят два килограмма, а тащить этот гроб придется через всю верхнюю гостиную.

Диана снова брызнула водой на лицо.

«Похоже, мать, – сказала она себе, глядя в зеркало, – кроме зубов и ногтей у тебя ничего нет. И если ты хочешь что-то предпринять, то это что-то – загрызть четверых здоровых вооруженных мужиков».

В том, что пришедшие к ней вооружены, она знала наверняка. Пиджаки их слева топорщились нарочито, для пушного внешнего эффекта.

Диана вытерла лицо полотенцем, несколько раз глубоко вздохнула, успокаиваясь.

Сейчас надо оставаться спокойной. И думать только о детях, о Косте, о том, что этот кошмар кончится, и они будут вместе. Все-таки недаром она не хотела покупать этот дом.

Она снова вышла в гостиную. «Следи за голосом, мать. Ты их не боишься».

– Я могу подняться к детям?

– Конечно, Диана Сергеевна, – расцвел самоварной улыбкой Лукьяненко. – Поднимайтесь, занимайтесь. Они могут погулять, как я и говорил. Наш сотрудник сейчас осмотрит верхний этаж, и вы можете побыть там.

Маленький со слезящимися глазами вскочил со стула как заводной.

«Он похож на Болека. – подумала Диана. – На Болека из старого польского мультфильма. А тот, у дверей, – просто вылитый Лелек».

Диана поднялась вверх и едва сдержалась, чтобы не схватить детей в охапку. Пока Болек обошел спальни, открывая шкафы и ящики комодов, заглянул в ванные и спустился вниз, к хозяину, она молча сидела на угловой кушетке, глядя, как Дашка с Мариком гоняют по экрану Супермарио.

Механическая музыка из динамиков телевизора здорово соответствовала неуклюжести движений Болека. Он явно считал все это ненужным, глупым делом. Перепуганная женщина и двое детишек не были для него грозным противником. Он просто не брал их в расчет.

– На улицу пойдете? – спросила Диана.

– Мамочка, – заныла Дашка, не отрываясь от игры, – мы чуть позже. У меня еще два Луиджи осталось.

Маленький человечек подпрыгивал, уворачиваясь от каких-то странных зубатых созданий.

– Мам, – сказал Марк, повернувшись. – Нам минут десять осталось. Мы на пляж пойдем, я Дашку научу из арбалета стрелять.

Диана на мгновение замерла. Арбалет... Кто-то привез его из командировки и подарил Косте, а Костя притащил его домой, зная, что Марк прочитал Скотта и Стивенсона и бредит луками и стрелами.

В первый же день Диана, к своему ужасу, сообразила, что маленький, черный, с пистолетной рукояткой и жесткой, похожей на шнур тетивой арбалет, не игрушка, а грозное оружие. Без особого труда Костя, а потом и Марик с тридцати шагов всаживали три утяжеленные боевые стрелы в ящик из-под посылки. Иногда стрелы прошивали его насквозь, и оба Краснова, старший и младший, ползали на четвереньках в траве, разыскивая их. К счастью, Костя тоже сообразил, что с такой штуковиной малолетний Робин Гуд дел натворит, и боевые стрелы унес в дом, заменив их для игры высохшими тростинками. Марик поныл чуть-чуть, но смирился. Арбалет был спрятан в его «тайнике», в кустах, где Марик хранил свои «сокровища»: бинокль, игрушечный винчестер, пластмассовый томагавк и другую всячину.

Можно попросить сына принести арбалет в дом с обещанной Лукьяненко прогулки, но, во-первых, Диана не знала, как из этой штуковины стрелять, во-вторых, понятия не имела,

куда Костя спрятал боевые стрелы, ну а в-третьих, совершенно не представляла себе, сможет ли выстрелить в живого человека.

Легче всего было разобраться, как стрелять. Стрелы можно поискать внизу, в подвале, спускаясь за продуктами. Но при одной мысли о третьей проблеме Диану бросило в жар, а между лопатками вниз покатила ледяная липкая волна. Убить человека...

«На всякий случай, – подумала Диана, уговаривая себя, – просто на всякий случай. Костя, конечно, переведет этому подонку деньги, и ее с детьми оставят в покое. Ведет он себя вежливо, во всяком случае за рамки приличий не выходит. Страшно, конечно, а как иначе? Но могло быть хуже. Представляю, что будет с Костиком. Он этого Лукьяненко из-под земли достанет. Даже в Бразилии или Уругвае».

Она бросила взгляд на висящие на стене часы. Было почти половина двенадцатого.

Краснов считал, что в жизни ему здорово повезло. Иногда он задумывался над тем, какими запутанными путями вела его судьба – от рождения до его тридцати девяти, и чувствовал, что без божественного промысла здесь не обошлось.

Само его рождение от странного брака широкоплечего кубанского парня, приехавшего в шахтерский край на заработки, и скромной еврейской девушки, родители которой сгинули во рву под Мариуполем осенью 1941 года, было удивительным.

Шел 1957 год, и, несмотря на «оттепель», евреев не любили ни на Кубани, ни в Дебальцево, как не любили и до революции, и после нее, как не любили их Сталин и Гитлер и как не будут любить при других царях и диктаторах.

Отслуживший армию розовощекий, удалой кубанский казак Коля Краснов влюбился в скромную черноволосую девушку, работавшую в бухгалтерии шахты, – Свету Натарзон, жидовскую сиротку, как называли ее девушки-сослуживцы.

А она была хороша. Хороша уже тем, что отличалась от всех окружающих: бледной матовой кожей, будто бы кто-то капнул в молоко несколько капель алой артериальной крови, тонким станом, хрупкими, словно у древнегреческой статуи, чертами лица, а также полным отсутствием природной наглости и задорной нескрываемой распутности, столь свойственной молодым широкозадным девам из рабочих городков.

Колю Краснова поразили ее руки, которые он увидел в окошечко кассы. Тонкопалые, почти прозрачные на свету, с удивительно гладкими розовыми ноготками. Руки дамы. Словно и не пережила она годы оккупации с висящей над ней, как и над всеми чудом выжившими евреями, угрозой мгновенной или долгой мучительной смерти. Не было семи детдомовских лет, страшного 1952 года, превратившего советских мирных антисемитов в черносотенцев, когда Света благодарила Бога за то, что пошла на бухгалтерские курсы, а не в медицинское училище.

Руки эти не покрылись цыпками и трещинами от ледяной воды в рабочих общагах, не потемнели от черной угольной пыли, которую ветер срывал с пирамид терриконов и гнал прочь, в степь, к далекому Азовскому морю. Потом он, нагнувшись, через полукруглое окошечко увидел ее лицо с огромными миндалевидными черными глазами, бархатными и влажными, и понял, что пропал.

Через три месяца Света Натарзон сменила фамилию на Краснову, а еще через десять месяцев, в июле 1958 года, в одноэтажном обшарпанном роддоме, окна которого стали совсем мутными от едкой пыли, наполнявшей воздух и шахтерские легкие, родился Краснов Константин Николаевич.

Горластый, толстозадый малыш, здоровый плод странного брака по любви, так как браки по любви и в ту пору были редки и необычны.

Будучи от природы людьми совершенно разными, супруги Красновы получили от жизни то, о чем можно только мечтать, и ничто – ни девятиметровая темная комната в бараке для

семейных, ни закопченная общая кухня, ни вопли маленького Кости – не могло помешать им быть счастливыми. Они были молоды и они любили.

Костя помнил их переезд в двухкомнатную хрущевку в шестьдесят третьем, когда мать плакала от счастья, впервые в жизни узнав, что такое иметь собственный угол. Помнил прогулки с отцом на выходные, его запах – запах мыла, накрахмаленной рубахи, смешанный с крепким табачным духом. Лицо и руки с навечно въевшимися черными точками и удивительно веселые серые глаза.

Помнил Костя и двор дома, в котором они жили. Беседку, где забивали «козла» пенсионеры, тусклые лампы в подъездах. Безжалостную дворовую ребятню, выросшую в опасную, как обрез трехлинейки, шпану заводских и шахтерских районов. Станционные пути, воняющие креозотом и старой смазкой, астматично пыхтящие паровозы. Темную безликую толпу, исчезающую в пасти ворот с надписью «Шахта имени Ленина» над ними, чтобы рухнуть вниз в клетях-лифтах и там, в грохоте и пыли, ковать могущество равнодушной и жестокой, как мачеха, державы.

Он вообще много чего помнил. Или не мог забыть, уж кому как нравится.

Учеба давалась Косте легко. Его ум с жадностью сухой губки впитывал в себя знания и требовал все больше и больше пищи, заставляя юного Краснова захлеб читать все, что попадется под руку, в то время как его сверстники сбивались в стаи, рыская по городским окраинам.

Унаследовав от отца подвижность и крепкую мускулатуру, Костя завоевал дворовой авторитет кулаками в подворотнях и на футбольном поле, поросшем высокой, жесткой травой. При необходимости он дрался с настоящей уличной жестокостью, с сосредоточенностью предков-казаков и полным презрением к ранам и боли.

Мир жесток – эта информация была заложена в нем на генетическом уровне, и чтобы выжить, надо уметь постоять за себя. Об этом криком кричали обе генетические ветви – и еврейская, и казацкая, – обе они хлебнули за свою историю.

Мать никогда не упрекала его, когда он приходил домой перепачканный, в разорванной и окровавленной рубашке. Отец хмурился, но с мудростью человека пожившего и выжившего ничего не говорил. Он считал сына правильным парнишкой.

За спиной мальчишки, как, впрочем, и их родители, называли Краснова жиденком, но в лицо говорить об этом боялись – тяжела рука у бригадира Николая Петровича, скор на расправу с обидчиками Костик, да и жида, если говорить честно, тоже люди, вот Светлана Иосифовна, например, вполне хорошая женщина, хоть и еврейка.

В четырнадцать лет Костя был разумным, крепким парнишкой, от которого млели одноклассницы, да и молодухи во дворе то и дело пихали его крепкими грудями и подмигивали, предлагая сходить в парк на танцы, а то и просто в посадку, за станцию.

Заметив интерес к сыну со стороны слабого пола, Краснов-старший отозвал его в сторону и сказал серьезно:

– Ты уже парень взрослый, сам что к чему соображаешь не хуже меня. Голову морочить тебе не буду, посоветую по-отцовски. На ерунду себя не трать – кроме триппера ничего не получишь. Пользоваться собой не давай. Девок не порть, на твой век и нецелок хватит. Если не любишь, лучше ничего не говори. Врать об этом – подлость и грех. Дело твое молодое, но смотри, для детей да женитьбы должен за собой силу чувствовать – их кормить надо. Понял?

– Понял, батя! – ответил Краснов-младший, хоть понял он на тот момент далеко не все. Его отношения с девицами ограничивались жаркими кратковременными объятиями и неумелыми поцелуями в темных уголках да подъездах. Но отец говорил с ним как с взрослым, и это делало все сказанное необходимым и правильным. Этим, как и отцовским доверием, нельзя было пренебрегать.

Больше на эти темы они не говорили.

В самом начале душного украинского августа, когда даже ночью воздух кажется густым, как патока, и распаренный солнцем асфальт плывет под ногами, на шахте имени Ленина произошла очередная авария. На этот раз жертвами обвала стали двенадцать человек, и почти неделю спасательная команда пыталась пробиться в отрезанный камнепадом штрек. Но это было бессмысленно. На месте бывшего туннеля проходчиков громоздились черные глыбы, спрессованные чудовищной тяжестью рухнувших пластов. До тел погибших так и не добрались.

Хоронили пустые гробы, над которыми парторг, управляющий и секретарь райкома произнесли унылые торжественные панихиды. Толпа, собравшаяся во дворе шахтоуправления, тяжело молчала, и обвисшие куски кумача болтались на древках, как трупы на виселицах. Плакали вдовы. Плакал Костя Краснов – глядя на портрет отца с черной лентой через угол. Крошилась, превращаясь в прах, пересушенная кладбищенская земля, и ветер сразу же выдул из могильного холмика длинные, красноватые языки пыли.

В этот день Краснов-младший стал Красновым-старшим. Ему только исполнилось четырнадцать, и он был единственным мужчиной в семье. Последним мужчиной.

Через две недели он сдал вступительные на экономическое отделение техникума автоматики и уехал, оставив воспоминания детства и угольную пыль за стеклами вагона. Этого хотел отец, и этого хотела мама. Он должен был пробиться. И он пробился.

Дети играли на пляже под присмотром Лелека, усевшегося под грибком.

Амбал истуканом сидел на стуле в прихожей, а Болек рассматривал журналы на кушетке возле окон гостиной.

Диана, переодевшись в джинсы и свободную фланелевую рубашку, готовила обед для детей и то и дело пыталась подавить желание проскочить мимо амбала и, выбежав на крыльцо, крикнуть «Помогите!». Это было чисто рефлекторным желанием, как подуть на обожженные кипятком пальцы, но разум все-таки брал верх – кричать бесполезно, помощи не будет.

В гостиной в кресле сидел хитрый, неглупый человек с холодными, как у пресмыкающегося, глазами и ждал. Он просто ждал, не читал, не расхаживал по комнате. Диана понимала, что происходящее сегодня невероятно важно для него, и именно этим заняты его мысли. Сколько он вынашивал эту идею? Сколько месяцев строил план? Как это у них там называется – оперативная разработка? Что главное для него? Деньги? Власть? Зависть? Хотя власть здесь ни при чем. Сделав этот шаг, он должен уйти на дно. Ни в коем случае не проявляться, а настоящая власть требует легальности. Для преступников за рубежом он никто – просто лакомый кусок, если они не в доле. А если в доле? Все равно – власть в том мире для чужака так же недоступна, как и здесь. Значит, зависть и деньги. И что первично, а что вторично, особого значения не имеет.

Костя, конечно, деньги переведет, и этот упырь немедленно отправит их дальше, раздробив на мелкие части тысяч по сто – сто пятьдесят, на мелкие западные банки. Оттуда – дальше. В Африку, конечно, он не сунется, но Южная Америка – в самый раз. Там он сведет мелкие суммы в две-три, сменит страну. Далее через брокеров по чекам купит ценные бумаги и опять сменит страну. Переведет капитал на брокерскую контору в новом месте пребывания, продаст акции и, получив чек, опять исчезнет. Если эту механику знает она, то Лукьяненко знает ее еще лучше. Найти его будет невероятно сложно, особенно если он купил себе паспорт какой-нибудь страны, это сейчас вполне реально, а не купил, так купит обязательно. Костя может связаться с Интерполом и трассировать деньги, но для этого нужно время...

И тут до Дианы дошло, что она инстинктивно посчитала слабиной в плане Лукьяненко. Это было настолько просто и страшно, что она зажала себе рот ладонью, чтобы не крикнуть. Все станет на свои места и замысел будет безупречен в любом случае, если на Лукьяненко не падет подозрение. Отправителем будет Костя, получателем – «левая» фирма или фирмы. А

сам Краснов и его семья бесследно исчезнут. Пропадут. Уедут на Запад и не вернуться. Значит, у Лукьяненко есть сообщник там, в Германии, и Косте осталось жить не более суток после его звонка. А ей и детям столько же, но здесь.

Диана с ужасом посмотрела через окно на шумящий кронами лес. Заповедник. Совсем рядом, в часе ходьбы, озеро Три Собаки, на котором они были прошлым летом, окруженное с двух сторон глубокой Лошадиной топью, за ним – вытянутое, как сабля, озеро Княгиня, а правее – Кабаний водопой, клякса с черной холодной водой. Они исчезнут навсегда под жирной торфяной коркой или в озерной воде, без следа. Какие уж тут следы – Лукьяненко обо всем позаботится. Костю убьют в Германии – наши профессионалы давно облюбовали Берлин, а многоуважаемый шеф безопасности рванет позже, когда возмущенная пресса уже известит всех о краже века и обвинит в ней управляющего третьего по величине банка на Украине.

«Стоп, – сказала себе Диана, – может быть, я фантазирую? Может, я со страха себе такого надумаю, что этому ублюдку и в голову не приходило. В конце концов, это же не Чандлер или Флеминг, а обыкновенный советский плебей с манерами альфонса. Спокойней, Диана, твое воображение сыграет с тобой дурную шутку, если ты впадешь в панику без всяких оснований. Может, этот тип примитивен, как молоток, и просто уверен в том, что успеет сбежать. Зачем ему брать грех на душу, если он надеется скрыться?»

А с другой стороны, если я права, то этот план будет стоить всем нам жизни. Костя и не подумает, что все может принять такой оборот. Он заплатит, а когда убедится, что мы в безопасности, пойдет по следу, как терьер, и достанет Лукьяненко из-под земли. Это у него в характере. Не из-за денег, а за предательство. Но он ничего не успеет. После того как он сделает перевод, он исчезнет, – догадка Дианы превращалась в уверенность, – и они исчезнут».

Сердце Дианы пропустило удар, и холодная, сильная рука страха погладила ее по спине – нежно и безжалостно, так, что что-то замерзло в солнечном сплетении... Деньги и зависть. Она всегда боялась зависти. Теперь уже в прошедшем времени. Боялась...

Краснов оказался удивительно настойчивым человеком. Он позвонил в тот же вечер, около десяти.

– Привет!

– Привет, – сказала Диана.

– Я вот о чем подумал, если люди привыкают к жизни на необитаемом острове, то, наверное, ты и ко мне когда-нибудь привыкнешь.

Диана молчала.

– Я знаю, Ди, – продолжал он, – что сегодня ты почему-то все время на меня злилась, и мне очень бы хотелось понять, почему. Я обидел тебя?

– Нет.

– Уже хорошо. Может быть, ты просто не можешь переносить мое присутствие? Я тебе противен?

– Нет.

– Тогда, я думаю, что у нас нет причин шарахаться друг от друга?

– Я тоже так думаю.

– Значит, я могу просить тебя о встрече?

Диана помолчала несколько секунд, а потом, решившись, сказала: – Да.

– Вот и отлично, – обрадовался Костя. – А то я никак не мог догадаться, чем ты меня стукнешь: каблуком или сумочкой. Неприятно сидеть и ждать от красивой девушки только этого.

– Я тебя бить не собиралась. – Диана уже жалела, что не бросила трубку, как только услышала его голос. – Слушай, тебе никогда не говорили, что ты самоуверенный тип?

– Говорили. А тебя нервировала моя самоуверенность?

– Да. Нервировала. И сейчас нервирует, если хочешь знать!

Он рассмеялся.

– Странно. Если бы я краснел, заикался и не мог связать двух слов, то свидание прошло бы успешно. Ты бы была в восторге, про себя назвала бы меня тряпкой и гордо удалилась, не оглянувшись. Похоже?

– Наверное, – неуверенно сказала Диана.

– Или другой вариант. Я смотрю на тебя сальными глазами, хватаю за грудь и коленки, зажимаю в подъезде и, схватив тебя за подбородок, награждаю крепким мужским поцелуем. Годится?

– Я бы тебе точно врезала, – сказала Диана. – Уж в этом можешь не сомневаться.

– И не сомневаюсь. Ты о том, как бы мне врезать, сегодня все время мечтала и без повода. А вот если бы я тебе его дал... Но есть третий вариант. Давай представим себе, что я именно такой, каким ты меня представляешь, – наглый, самоуверенный тип...

– И циничный... – добавила Диана.

– До ужаса, – согласился Костя. – Циничный, двуличный... Что там еще у нас есть? Ага... Развратный, подойдет?

– Не знаю. Ты меня за коленки не хватал.

– Тогда снимается с повестки дня. Я и так уже сосредоточил в себе все самое плохое. И вот эта квинтэссенция зла весь вечер унижает тебя, заставляет чувствовать себя неизвестно кем, цедит через нижнюю губу оскорбительные фразы, окидывает тебя оценивающим, недовольным взглядом... Так?

– Не так.

– Ну так открой мне тайну, Ди, чем же я тебя так раздражал? Впрочем, это уже неважно. Пусть сия тайна останется покрытой мраком. Давай договоримся, если я буду вести себя вызывающе, ты мне об этом скажешь. Открыто скажешь. Так, мол, и так, товарищ Краснов, вы последний мерзавец...

– Я действительно не знаю...

– Что ты не знаешь?

– Чем ты меня раздражал. Они помолчали.

– Самое интересное, – сказал он наконец, – что ты, пожалуй, действительно этого не знаешь. Но мне очень жаль, что у нас с тобой получился неудачный вечер. Может быть, попробуем еще? Вторая попытка, мадемуазель?

Вторая попытка была удачнее. Вначале Диана чувствовала себя неуютно, но это прошло. Он был действительно хорошим собеседником. Его умение слушать вызывало на откровенность, и Диана незаметно для себя от общих тем перешла к тому, что действительно было ей интересно.

Их отношения, внешне лишённые признаков эротизма и сексуальности, были наэлектризованы взаимным доверием и открытостью до той степени, которой невозможно добиться с помощью поцелуев и прикосновений. Это было то, что вполне можно было назвать настоящими интимными отношениями, если бы кому-нибудь пришло в голову, что такое возможно и без телесных контактов.

– Ты знаешь, – сказал он спустя две недели после начала их каждодневных встреч, – я и не подозревал, что смогу быть настолько откровенным с тобой. Это напоминает мне стриптиз на площади Ленина во время первомайской демонстрации. Еще чуть-чуть, и я смогу рассказать тебе, как пачкал штанишки в возрасте семи месяцев.

– Тебя это пугает? – спросила Диана. – Мне кажется, это для нас уже пройденный этап.

– Меня пугает другое, – ответил Костя. – Я не знаю... Нет. Я просто отказываюсь понимать, как я мог обходиться без тебя раньше.

Они сидели в небольшом полутемном кафе в Доме ученых, которое пьющие студенты в запале называли баром. Людей в зале почти не было, он заполнялся ближе к девяти, и никто не мешал им быть вдвоем.

– Я начал манкировать своими обязанностями. Если бы я дипломировался сейчас, а не год назад, обязательно засыпался бы. Черт знает что...

Он улыбнулся.

– Да, кстати, у меня новость, может быть, не очень хорошая... Наверное, из университета я уйду. Меня забирают инструктором в райком партии. Так что перехожу в другую команду.

– Когда? – спросила она.

– Сразу после Нового года.

– Шаг за шагом, ступенька за ступенькой?

Он пригубил коньяк и, внезапно погрузнев, процитировал:

– «И сказали мне, что эта дорога ведет к океану смерти...»

– И я свернул, – продолжила Диана. Они помолчали.

– Я выбрал это сам, – сказал Костя. – Хотя вполне возможно, что мне действительно предстоит идти «глухими и заброшенными окольными тропами». Все не так просто, Ди. Будут большие перемены, можешь мне верить. У нас, конечно, не коридоры власти, а так – коридорчики, но я уверен, что вскоре все повернется так, как сейчас и предположить нельзя. Может быть, будет хорошо, а может быть, очень плохо, я не пифия, я не знаю. Но то, что нашему тихому болоту пришел конец, это обсуждению не подлежит.

– И тебя это не беспокоит?

– Нет, – он был серьезен, и из глаз исчезли веселые искры, от чего лицо стало незнакомым, почти чужим. – Можешь считать меня конформистом, но главное – в нужное время оказаться по нужную сторону баррикад.

– Надеюсь, до этого дело не дойдет.

– Кто знает, Ди, кто знает?

– Пророчества молодого Нострадамуса...

– Нострадамус предсказал огромные катаклизмы...

– Ты не хуже меня знаешь, что все зависит от личности переводчика...

– Все, все... – он обрадовался возможности переменить тему. – Ни слова о грустном. Вы, филологи, всегда были мне непонятны. Писатель – да, поэт – да, учитель русского или другого языка – замечательно. Литературовед – превосходно, но смотря куда он ведет. Филолог – ученый? Тема для кандидатской «Происхождение суффикса „–ич“ и его значение в слове «социалистический» у народов Крайнего Севера». Ну скажи на милость, что это за наука?

Диана рассмеялась.

– Глупый... Чем плоха диссертация по творчеству Камю? Очень даже интересно...

– Не знаю, не читал... У нас, ты знаешь, свой бзик. «Инвентаризация рабочих мест как метод повышения производительности труда». Творение жены Первого. Жертвой научной разработки пали рабочие комбайнового завода. У меня однокашник там комсоргом. Внедряет, в жизнь, так сказать, проводит...

Жену секретаря обкома Диана пару раз видела в ректорате. Запомнилась только каштановая прическа а-ля Бабетта и удивительно злое, простоватое лицо. Академичности ей явно не хватало.

– Вот потому мне туда и не хочется, – Костя опять стал серьезным. – Плясать под чужую дудку. Там, куда меня перебрасывают, первый секретарь – женщина. По рассказам – баба страшная. Ортодокс. Так что о своем мнении я могу забыть.

– Тебе это будет непросто, – подтвердила Диана. – Не идти нельзя?

– Надеюсь, что это ненадолго, – Костя будто бы не слышал ее вопроса. – Потерплю. Помолчу. «А молчальники вышли в начальники, потому что молчание – золото».

– А это кто?

– Это – Галич, – сказал Костя. – Слышала?

– Нет...

– Он умер уже... В эмиграции... У меня есть. Дам послушать.

– Странный ты человек, Костя...

– Ничего странного, Ди, – он ухмыльнулся. – Просто советский человек. Вывели-таки новую породу, мичуринцы-селекционеры. Говорит одно, делает другое, думает третье...

– Зачем же ты с ними?

Он поднял на нее чуть сощуренные глаза и показал зубы. Не улыбнулся, а именно показал зубы, как боевой пес обнажает клыки при виде чужого.

– Я не с ними. Я сам по себе. У них сила, у них власть, они могут целые народы за месяц в Сибирь переселить.

Могут расстрелять, могут давить танками. Я – никто. Я – винтик, букашка-таракашка, но пока я в университете, никого по политическим причинам из него не отчислили. И кавээновцев не повыгоняли, хоть мадам Равлюк топала ногами и требовала крови. И с куратором КГБ я водку пью, хоть рожа его мне противна до тошноты. Защитник Отечества... Он перешел на свистящий шепот...

– И молчу, молчу... Чтобы потом – хоть чуть-чуть сделать по-своему, чтобы крикунов этих сраных выгородить. Болтают с кем попало, о чем попало, а на них уже целые тома в Большом доме завели...

Она еще не видела его таким. Анти-Павка Корчагин. Только пафоса в нем не было ни на грош, а за ставшими вдруг черными глазами – то ли боль, то ли злость – не разберешь.

– Их в открытую – не одолеть. Их можно только изнутри, по-чекистски точить... Чем больше будет в это дерьмо лезть порядочных людей, тем больше шансов когда-нибудь вычистить эту выгребную яму.

Он вздохнул и откинулся ни спинку стула.

– Извини, – сказал он, помолчав. Глаза вновь стали карими и теплыми. – Извини, пожалуйста. Лучше бы я тебе рассказал, как пачкал штанишки в нежном возрасте.

– Скажи, Костя, – спросила она осторожно, – а ты не боишься, что... Ну я понимаю, выгребная яма, хотя мне трудно поверить, что все это так плохо, как ты говоришь. Я слышала, конечно, у меня в семье кто-то там пострадал от Берии... Но ведь нельзя же человека посадить или там сослать просто так, за здорово живешь? Что-то же было? А татары помогали фашистам в Крыму, я сама читала, за это их и выслали...

– Камю... – сказал почему-то Костя ни к селу ни к городу. – Мопассан. Беккет. Да. «Молодая гвардия». «Поднятая целина». Извини. Не нужно мне с тобой об этом говорить. Совсем ни к чему. И глупо. Столько хороших тем, столько... Это, наверное, северный ветер...

Он как-то потускнел. Она невольно вспыхнула.

– Какой, к черту, северный ветер?

– Понимаешь, Ди... – он опять вздохнул и подался к ней через столик. Их лица разделяло каких-то несколько сантиметров. – Есть два мира... Только не обижайся, ладно?.. Два разных мира. И ты житель одного из них. Ты не виновата, просто второго ты еще не видела и, дай бог, никогда не увидишь. А я живу в обоих – половинка там, половинка там. И, честное слово, мне страшно. Мне, здоровому молодому мужику, – страшно. Если я начну тебе рассказывать, ты все равно не поверишь, хотя все это чистейшая правда. Опасная, чистая правда. И многие, очень многие ее знают. Твои родители знают, мои знали. Ты даже не представляешь себе, сколько людей носят это знание. Миллионы. Но никто ничего не говорит. Заговор молчания. Голый король. Об этом написаны тысячи книг – они есть в Ленинке, в спецхранах. Кое-что, может быть, есть даже у нас в библиотеке, для служебного пользования – я не уверен. Но это инопланетные книги, Ди, и ты о них ничего не знаешь. Ты умница, образованная

современная девушка, будущий учитель молодежи или переводчик книг. Рано или поздно ты все прочтешь, – он запнулся. – Или не прочтешь никогда, кто знает, что лучше? Но в любом случае, прошу тебя, не забывай, что все вокруг молчали не зря. Даже ребенку, даже человеку, которого любишь, не говори, прежде подумай, нужен ли ему этот позор?

Диана растерялась. В человеке, говорившем с ней сейчас, не было ничего похожего на того, с кем она встречалась все эти дни. Он будто бы стал старше и печальнее и смотрел на нее большими, тоскливыми глазами. Чужими глазами.

– Извини меня, Ди, – сказал он. – Извини. Я испортил прекрасный вечер. Я хочу... Мне очень надо, чтобы ты понимала меня...

И тут ее осенила догадка. Наверное, пришла на помощь женская интуиция – сложились в целое кубики головоломки, разом заполнив пустые места.

– Милый мой, – сказала она так, как могла бы сказать мать своему ребенку, и осторожно, словно боясь обжечься, коснулась его гладко выбритой щеки. – Милый ты мой, – она впервые назвала его так, – неужели ты совсем-совсем один?

* * *

– Слушаю вас, Диана Сергеевна.

Сама вежливость. Еще бы встал и шаркнул ножкой. Просто невозможно поверить, что он не просто гость.

– Есть некоторые сложности, Лукьяненко, – сказала Диана. – Мне нужно позвонить матери, предупредить. Дело в том, что мы с детьми должны сегодня вечером у них ужинать. Они будут волноваться, разыскивать, звонить...

– Понимаю вас, – сказал он с той же нейтральной улыбкой дворецкого. – Плохо, когда родители волнуются, но, уверяю, что вашим это не грозит. Им еще утром звонили из банка и предупредили, что вы с Константином Николаевичем и детьми до среды улетели в Германию, а сами не позвонили, так как телефон на даче сломан, а домой вы вернулись после двенадцати ночи. Вы на каникулах, Диана Сергеевна, и до утра четверга можете ни о чем не волноваться.

Она права. Ну зачем же она догадалась? У Дианы хватило выдержки не упасть в обморок, хотя на мгновение перед глазами все поплыло, и мир перестал быть реальным. Она села, чувствуя, как каменеют мышцы лица, и машинально нащупав на столике сигареты, закурила от услужливо протянутой Лукьяненко зажигалки.

– И кто же звонил моей матери? Вы?

– Нет, Галина Яковлевна...

Галя была Костиной секретаршей еще с обкома комсомола. Неужели и она?

– А кто просил ее?

– Ей звонил из Германии наш сотрудник, который теперь сопровождает вашего мужа.

Да, похоже, все становилось на свои места. Вымысел становился явью, сказка – былью. Лукьяненко смотрел на нее даже с некоторым любопытством, как натуралист на диковинную бабочку, приколотую булавкой к картонному листу. Бабочка еще шевелит крыльями? Ну что ж... Это ненадолго.

– Так что звонить никуда не нужно, Диана Сергеевна. Отдыхайте, занимайтесь с детьми. Если вам не трудно, сделайте для нас чай и бутерброды, ничего больше!

«Вот был бы стрихнин», – мелькнуло у Дианы. Но стрихнина, к сожалению, не было.

– Надеюсь, что мы вас не сильно беспокоим как хозяйку. Поверьте, очень скоро это закончится, к обоюдному удовольствию, разумеется, и вы меня никогда больше не увидите, это я вам обещаю.

Говорит-то как вылитый пастор на проповеди.

– Не стройте себе иллюзий, Лукьяненко, – сказала Диана. – Я все равно ни на секунду не верю в вашу интеллигентность. Ваши манеры смотрятся, как седло на корове. Зачем вы разыгрываете передо мной эту комедию? Я неблагодарный зритель. Я считаю вас дерьмом и хочу, чтобы вы об этом знали. У вас это написано на лбу крупными буквами.

– А вы, – спокойно сказал Лукьяненко с той же вежливой доброжелательностью, – избалованная богатая сука. И это тоже написано у вас на лбу. Строите из себя могущественную Клеопатру, а надави на вас – так ноги мне лизать будете, да и не только ноги, если я того захочу. И хватит комедий, в самом деле... То, что я говорю, – это приказ, хоть и форму я выбрал вежливую. Пока вежливую, Диана Сергеевна. Но настоятельно вам рекомендую эти приказы выполнять незамедлительно. Мне вас или ваших щенков покалечить проще простого. Вы меня понимаете?

– Да уж что тут не понять, – она встала. – Очень все доходчиво объяснили.

Мягким кошачьим движением он схватил ее за кисть, умело схватил, так, что хрустнули суставы и острая боль пронзила ее, как удар тока. Она даже вскрикнула.

– Вы меня правильно понимаете?

Боль была просто невыносимой. Между локтем и кистью будто вставили раскаленный стержень.

– Если вы меня разозлите, – сказал он, не повышая голоса, – я превращу вас в кусок мяса, обещаю вам. Я ломаю вас, как карандаш.

– Руку отпустите, – попросила Диана. – Больно. Он ослабил хватку, и она смогла выпрямиться.

Лицо Лукьяненко ничего не выражало. Он был спокоен, как три минуты назад.

– Надеюсь, это наш последний конфликт, Диана Сергеевна. Я никогда не бросаю слов на ветер.

Из глаз Дианы покатались слезы – не от боли, от ярости, не имеющей выхода, и на лице Лукьяненко появилось выражение удовлетворения.

– Так-то лучше, – сказал он благодушно. – Я же вам говорил – героев не бывает.

Диана вернулась в кухню. Внутри у нее все кипело, стало даже трудно глотать – спазм перехватил горло. Она стала у окна и снова закурила. Теперь рука с сигаретой ходила ходуном – оставаясь наедине с собой, она могла не сдерживать дрожь.

Для всех она уже за границей. Правда, улететь самолетом она, по их легенде, не могла. Но это для Лукьяненко не проблема. Она могла выехать на машине до Москвы, а оттуда улететь самолетом. При такой ставке они что-нибудь придумают. И с билетами, и со свидетелями. Комар носа не подточит. Ее здесь нет, и искать ее никто не будет. Нестыковка, конечно, присутствует, но ей найдут логичное объяснение. Например – умысел. Они с Костей специально воспользовались разными маршрутами. Он – в Германию, она – в Испанию. Следы заметали. Отличная возможность, есть что посмаковать.

Они заранее подумали обо всем. Еще год назад Красновы через юридическую фирму в Англии купили себе панамские паспорта, заплатив по тридцать пять тысяч долларов за книжечку, дающую им возможность свободно пересекать границы большинства стран мира. Уже тогда в их головах зрел преступный замысел... Вот дьявол... А ведь так и напишут. Они действительно купили себе эти паспорта. Правда, без преступного замысла, просто надоело чувствовать себя вторым сортом при пересечении любой границы. Костя купил такие же для всех в правлении, кто часто ездил в командировки, и об этом знало все руководство банка. Слухи дошли и до службы безопасности, Костю вызывали для дачи объяснений, но говорили осторожно. Костя сделал удивленные глаза, доказательств не было, и чекистам пришлось ограничиться беседой, частично удовлетворившей их любопытство. Теперь история с паспортами играет против них.

Даша с Марком бросали камушки в реку с пляжа, залитого ярким майским солнцем, уже перевалившим зенит. Лукьяненко сидел под грибком, как прибитый, только расстегнул ворот рубашки и приспустил узел галстука. Судя по всему, ему было жарко. Взяв себя в руки, Диана приготовила бутерброды и доделала обед для детей. Механические действия у плиты помогали лучше валерьянки.

Она уже готовилась позвать Дашу и Марка в дом, когда в гостиной зазвонил телефон.

От неожиданности Диана уронила тарелку, и осколки с грохотом разлетелись по кухне. В дверях появился Лукьяненко с обеими трубками в руках и быстро сказал:

– Ни одного лишнего слова, пожалеете.

Телефоны опять зазвонили в унисон. Он протянул ей одну из радиорубок, прижав к уху второю. Это был Костя.

– Привет, Ди! – радостно сказал он. – Как дела?!

У Дианы перехватило голос, и она с трудом заставила себя говорить.

– Привет, милый.

По ее интонации Костя сразу понял, что что-то не так, его голос зазвучал встревоженно:

– Ди, что случилось? Что произошло? Что с тобой?

– Костенька, – проговорила Диана, давась подступившими слезами, – тут... Я сейчас...

Тут Лукьяненко... Он тебе все скажет...

– Здравствуйте, Константин Николаевич.

– Здравствуйте, Олег Трофимович. В чем дело? Что случилось? – голос Кости дрожал от скрываемого колоссального напряжения, но звучал, как всегда, сдержанно.

– Не волнуйтесь, Константин Николаевич. Все здоровы, живы... Диана Сергеевна просто расстроена...

– Что случилось, Олег Трофимович? Лукьяненко кивнул в сторону Дианы, разрешая ей продолжить.

– Костя... – сказала Диана. – Он требует, чтобы ты перевел на его счет деньги, иначе он грозит убить нас и тебя.

Наступила пауза. Костя молчал. Лукьяненко тоже молчал, напряженно прислушиваясь. Через открытые окна был слышен залиvistый Дашкин смех и гул моторной лодки за излучиной.

– Что ты там придумал, Лукьяненко?! – голос Кости зазвенел металлом. – Что ты, сволочь, делаешь у меня в доме?

– Успокойся, Краснов, – сказал Лукьяненко. – Приди в себя и подумай хорошенько, прежде чем меня оскорблять. Тут твоя жена и дети, запомни это. И я могу сделать с ними то, что тебе и в дурном сне не привидится. Будешь ругаться или послушаешь, чего я хочу?

Диана слышала в трубке шумное Костино дыхание. Лукьяненко ждал.

– Говори, – наконец выдавил Краснов через силу. – Говори.

– Вот так-то лучше. Запиши номер счета... Лукьяненко продиктовал несколько групп цифр, потом адрес, тщательно сверяясь по листку бумажки и коряво выговаривая название улицы и города, и добавил СВИФТ-код.

– Сколько ты хочешь? – спросил Краснов.

– Сорок миллионов, – сказал Лукьяненко. – Сегодня же, до закрытия операций. И тогда я отпущу твоих на все четыре стороны. Как только получу подтверждение.

– На зачисление нужно семьдесят два часа, – сказал Костя. – Ты это прекрасно знаешь.

– Это не твоя забота. Не грузи. Отправляй и не вздумай куда-нибудь обратиться. У тебя хороший дом, Краснов, как крепость. Ты ведь не хочешь, чтобы с твоими щенками стряслось несчастье?

– Слушай, ты...

– Лучше молчи, Краснов. Ты понимаешь, что сейчас меня не стоит оскорблять? Или до тебя еще не дошло?

– А ты подумал, что я могу не суметь сделать то, что ты хочешь?

– Убедишь Дитера, вы же друзья. С юридической точки зрения это законно, я проконсультировался. Скажешь, что это банковская фирма. Краткосрочный заем. У тебя еще шестнадцать миллионов на счету висают. Придумаешь что-нибудь.

– Ты подготовился, Лукьяненко. Откуда столько знаний по состоянию счетов? Подковался, ментенок?

– Ты считал меня просто ментенком, Краснов? Тупым, преданным ментом? Ты сильно ошибся, комерс. Крепко. Будешь теперь плясать ламбаду...

– А ты и есть мент. Только ссучившийся.

– Зря, Константин Николаевич! Зря ты так думаешь, зря языком болтаешь. Никто за мной не стоит – ни менты, ни бандюки, уж поверь на слово. Сам я, один-одинешенек. Но тебя, если выебнешься, порву, как соску. И всю твою семейку. Отвечаю. Ну так как, договорились?

Слышно было, как Костя дышит в трубку. Даже в дыхании сквозила такая ненависть, что человек слабонервный испугался бы.

– Отпусти Диану и детей. Я сделаю то, о чем ты говоришь, – наконец выдал из себя он.

– Сделай, что сказано, Краснов, тогда отпущу. И не спорь со мной, не крути, я все равно буду их держать до тех пор, пока все не закончится. А это все равно, что тебя за яйца.

– Отпусти. Я пообещал.

– Срал я на твои обещания, Краснов, жидко и с удовольствием. Твои обещания в карман не положишь. Шли бабки, иначе твоя голубушка пожалеет, что на свет родилась. И детки тоже.

Диана заплакала. Тихо, чтобы Костя не услышал. Он молчал, только мембрана вибрировала от его неровного дыхания.

– Хорошо, – сказал он наконец. – Считай, что я это уже сделал. Но послушай меня, Лукьяненко, внимательно послушай, чтобы не ошибиться. Если хоть один волосок упадет с их голов, я тебя разыщу везде, хоть под землей, и разорву своими собственными руками. Ты меня слышишь?

– Я тебя слышу, – отозвался Лукьяненко. – И учти, жиденок, плевал я на твои угрозы. Я тебя держу за яйца, и ты сам это знаешь. Мы оба это знаем. Но я пока добрый. Можешь сказать пару слов жenuшке.

– Ди... – сказал Костя. – Да.

– Не бойся, я очень тебя прошу, не бойся. Завтра он получит деньги, и все это кончится. Он не посмеет причинить вам вред.

– Да, Костя...

Господи, как она хотела, чтобы все было так просто, как он говорил.

– Я вылечу завтра же... Дети знают?

– Нет.

– Ты плачешь?

– Это ничего, Костя...

– Завтра к вечеру я вернусь.

– Будь осторожен, прошу тебя! – Как предупредить его? Как сказать, чтобы этот вурдалак ничего не понял? – Не говори никому ничего. Никому не доверяй.

– Не бойся, Ди, прошу тебя...

– Я очень за тебя боюсь, Костенька... Я люблю тебя, – и, не меня интонации, добавила на французском: – Береги спину...

– Что ты сказала? – заорал Лукьяненко. – По-русски говори, сука... – Он подскочил к ней, замахиваясь...

– Перестань, убудок! – Костя тоже кричал. – Она сказала «милый».

Он все-таки ударил ее. Не очень сильно, она успела убрать голову, но больно, даже зубы лязгнули, и вырвал трубку из рук.

– Давай, Краснов! Делай все по-быстрому... Подсуетись. Твоя баба меня достала.

Диана уже не могла слышать мужа, но по ухмылке Лукьяненко поняла, что Костя говорит ему что-то малоприятное.

– Все сказал? – спросил он. – Давай, давай, попизди, все равно не дотянешься. Оставь телефончик, вдруг звякнем... Ага. Ничего, я запомню. Нет, ей я больше трубку не дам, ни к чему это. Конечно, не один. Бережем их здоровье, охраняем, надежней, чем сейф. Отдыхай, Краснов, до завтра...

Он выключил трубку и посмотрел на Диану.

– Что ты ему сказала?

«Сейчас он меня искалечит», – подумала Диана.

– Что ты ему сказала, ехидная тварь?

Он пошел на нее, и Диана с ужасом поняла, что сейчас опорожнит мочевой пузырь прямо здесь, перед ним. Глаза у Лукьяненко от бешенства стали желтыми, словно покрылись бельмами. Он ударил ее по лицу тыльной стороной ладони, наотмашь, и Диана, не удержавшись на ногах, упала, ударившись о барную стойку. Из разбитого носа побежали струйки крови, пачкая рубашку.

– Не надо, – просипела она.

Голос пропал. Господи, она сейчас уделается перед этим ничтожеством.

– Я ничего такого не сказала.

– Что ты сказала? – он больно пнул ее ногой в бедро и, ухватив за ворот, вздернул вверх, к своему лицу. Посыпались пуговицы.

– Я сказала «милый». Я сказала «милый»!

Его кулак врезался в живот Дианы, и из легких разом ушел весь воздух. Он отшвырнул ее, как котенка, и она рухнула на пол, обхватив руками горящие огнем ребра.

– Я тебя предупреждал, сука, – сказал Лукьяненко, его туфли были перед ее глазами, еще чуть-чуть – и он наступит ей на лицо. – Твое счастье, что это было одно слово. Только одно. Иначе я бы из тебя сделал обезьяну.

Диана пыталась вздохнуть, но не могла, дыхание было отбито напрочь.

– Встань, соска, – продолжал Лукьяненко, – и умой рожу. Смотреть противно.

Он опять ухватил ее за воротник и поволок к ванной, как сломанную куклу. Воздух со свистом прорвался в ее легкие, выскользнув из рук Лукьяненко, она почти упала лицом на унитаза, зажимая руками рот. Ее вырвало.

Лукьяненко презрительно смотрел на нее от дверей.

– Да... Слабовата, голубая кровь. А ведь я тебя еще и не бил всерьез. Умоешься – подай поесть, – сказал он. – Я тебя выдрессирую так, что мужу понравится. Дрессировать я умею. Попробуй выкинуть еще один номер, и мои ребята отъебут тебя хором, прямо перед детьми. Или твоих детей на твоих глазах. Они у меня послушные и очень любят деньги. Тебе понятно?

– Да, – ответила Диана едва слышно.

– Громче... – Да.

– Будем считать, что инцидент исчерпан. – Он вышел, закрыв за собой дверь в ванную.

Диана с трудом поднялась, ноги ее почти не держали, и, ухватившись за раковину, простояла так несколько секунд. Джинсы были мокрыми, она таки не сдержалась от мочеиспускания, когда ее тошнило. Правая щека опухла, но нос, как ни странно, был цел, хотя кровь из ноздрей еще сочилась. Болели живот и затылок, которым она ударилась о стойку бара.

Она с омерзением содрала с себя одежду и, стоя под горячим душем, дрожала, словно от холода. Она слаба, она боится, она всего лишь женщина. Но выхода у нее нет. Никакого другого выхода у нее нет.

«Убить, – подумала она. – Они уверены в ее беспомощности. Они уверены, что справятся с ней. Силой она не победит и никого спасти не сможет. Вырваться из дома, из этой каменной ловушки. Спрятать детей в лесу, Марк взрослый, он справится. А она – она уведет их подальше от детей, как лисица от логова со щенками. Если даже их с Костей не станет, останутся живы дети, дай им Бог. Хоть кто-то останется. Пусть для этого надо будет убить – она убьет, теперь она была в этом уверена. На это ей хватит сил и хитрости. Главное – спасти детей, остальное ерунда».

Надевая чистую одежду, Диана знала, что будет делать. Она еще не знала – как.

Краснов быстро освоился в городе. Он не привык тушеваться и, осмотревшись, с чисто мужицкой обстоятельностью наметил план действий. Стипендии на жизнь хватит, общежитие приличное, в центре, рядом с техникумом. Чуть выше по проспекту – корпуса университета, он сможет ходить на факультативы со следующего года. Основных задач – две. Учитывая половинчатую пятую графу, ему нужны красный диплом и успехи в общественной работе. На экономику просто так не пробиваются. Один положительный пункт в его биографии все-таки есть – происхождение из пролетарской семьи. Второй плюс его собственный – голова и знания. Будет сложно, но шансы реальные. Чуть-чуть везения, и он пойдет своей дорогой.

Он приступил к осуществлению плана с решительностью, вызывающей оторопь у одногруппников. В течение полугода окружающие смотрели на него, как туристы на египетские пирамиды – недоумевающая, но с невольным восхищением. Казалось, что он успевает везде, словно в сутках не двадцать четыре, а тридцать шесть часов.

Он работал, завершив программу первого курса к марту, вошел в комитет комсомола и стал основной кандидатурой на место секретаря. Преподаватели относились к нему с уважением, и на майской сессии в его зачетке были только «отлично» и «отлично» с восклицательным знаком. Речь его благодаря курсам в университете очистилась от южного акцента, оставившего после себя мягкое произношение согласных, и приобрела даже некоторое изящество и интеллигентность. В своей решимости он напоминал танк, сметающий противотанковые ограждения. Казалось, ему наплевать на то, что думают о нем соученики, а симпатии к нему они не испытывали в большинстве своем по разным соображениям, но его твердость и постоянство позиции не могли не вызывать уважения. Не боясь так и остаться чужаком, от пьянок и сабантуев он неизменно отказывался, завоевывая авторитет лидера с помощью совершенно других приемов – как организатор и посредник между администрацией и студентами.

Заняв место секретаря комитета комсомола, он жестко очертил круг обязанностей каждого и начал требовать реальных результатов в работе. Вначале его посчитали ненормальным, но это быстро прошло.

Он почти ликвидировал процветающую фискальную систему, и все дисциплинарные вопросы решались только через него. Как ни странно, но он, в отличие от предшественников, действительно выступал от лица своих соучеников, защищая их от наказаний за провинности, которые сам считал незначительными, и жестко наказывал тех, кто, по его мнению, был не прав. Пятнадцатилетний мальчишка вынуждал считаться с собой. Он не просто играл в мужчину, он был им по поступкам и типу мышления. Именно это выделяло его из общей массы.

На втором курсе он стал членом райкома комсомола, а к концу учебного года ему предложили после окончания учебы остаться в техникуме освобожденным секретарем. Он вежливо отказался, объяснив отказ тем, что хочет продолжить учебу.

Директор техникума огорчился, но обещал поддержку при поступлении. И через год Краснов блестяще сдал экзамены на экономический в университете, где о нем уже знали – и в комитете комсомола, и на кафедре. Преподаватели, читавшие на подготовительном отделении, заметили способного парня.

Первый этап своего плана Краснов завершил с блеском, но перерыв в его программу заложен не был. Еще через год в университете сменился комсомольский лидер, и им стал молодой кандидат в члены партии Константин Краснов. Рекомендации ему подписали директор техникума и первый секретарь горкома комсомола. Это был следующий виток спирали.

Теперь Костю заметили и породистые девицы с эконо-фака и, уловив перспективу, подвергли его мощному обстрелу самыми недвусмысленными предложениями, хотя без особого успеха. По факультету поползли слухи, что у Краснова или есть девица на стороне (что было чистой правдой), или он импотент на почве комсомольской работы (что правдой не было). Слухи Костя игнорировал, а о своей личной жизни молчал даже среди друзей, хотя со второго курса техникума встречался с женщиной, которая была старше его на пять с небольшим лет.

Познакомились они на курсах, которые она вела, почти незаметно подружились и сблизились, без любви или особой страсти, но с редким взаимопониманием и тактом по отношению друг к другу. Их обоих устраивали сложившиеся взаимоотношения, и Костя два-три раза в неделю приезжал к ней вечером, но ночевать никогда не оставался, соблюдая давнюю договоренность, существовавшую между ними.

У нее были другие мужчины, у него – другие женщины, но особого значения это не имело. Каждый получал то, что хотел, и давал то, что хотел. Они были больше друзьями, чем любовниками, и хорошо понимали это. Будучи прагматиком, Костя следовал правилу не заводить романов на работе, и из-за этого прослыл холодным как рыба, хотя вовсе не был таким.

Его уважали, но не любили, и такое положение вещей было единственно возможным при его манере поведения. И, что интересно, вполне Краснова устраивало.

Исключением, подтверждающим правило, стала университетская команда КВН – объект нападков идеологического отдела горкома партии. Их Костя прикрывал во всех инстанциях, иногда с риском для собственной карьеры и репутации, что вызывало у партийных боссов недоумение – языкастая и наглая кавээновская братия просто напрашивалась на неприятности.

Костю трижды вызывали на бюро горкома, и только безупречная красновская логика – он говорил про клапан, безопасную суть студенческого юмора, ребячество и несмышленость – спасала бузотеров от «волчьих» билетов. За это и за хорошее чувство юмора кавээновцы были от него без ума и, уверовав в свою безнаказанность, расходились пуще прежнего.

Как у каждого человека, у Кости была своя тайна. Настоящая тайна. У Кости был друг. Часто бывает, что знакомство с каким-нибудь человеком переворачивает жизнь, заставляет взглянуть на все по-новому, по-другому чувствовать, думать, переживать. Именно такого человека встретил Краснов на своем пути и воспринимал его как духовного отца, если такое сравнение возможно в обществе убежденных атеистов.

Друга звали Арнольд Павлович Розенберг, и он преподавал историю в техникуме автоматики. Он был очень стар, седой маленький еврей с печальными влажными глазами, но сохранил живость ума, дикцию оратора и такой талант рассказчика, что с его лекций не уходили даже заядлые прогульщики. Он умел найти слова, построить свой рассказ так, что слушать его было все равно, что читать детектив. Аудитория просто рот открывала, когда он метался по кафедре, чуть ли не в лицах изображая исторические события. Он балансировал на грани между шутовством и настоящим искусством лицедейства. Оставаясь в рамках дозволенного, сообщал такие факты, о которых молчали учебники и хрестоматии, и многие его выводы, облеченные в нарочито игровую форму, могли бы довести до инфаркта любого идеолога.

С самого начала они не чувствовали друг к другу симпатии, что было не удивительно при красновских амбициях, и старик был удивлен, когда мальчишка, с живыми, как ртуть, глазами, подошел к нему после лекции.

– Слушаю вас, Краснов, – сказал Арнольд Павлович.

– Я к вам с просьбой, – Костя не был смущен или закомплексован и говорил как взрослый, правда, с ужасающим акцентом южанина, напевно-тягучим. – Мне очень бы хотелось знать историю, Арнольд Павлович, я имею в виду – настоящую историю.

Они были вдвоем, и Розенберг, взглянув на четырнадцатилетнего подростка, стоящего перед ним, спросил, чуть сощурившись:

– А вы, молодой человек, на моих лекциях, что, Закон Божий изучаете?

Краснов пожал плечами.

– Я думаю, что вы знаете куда больше, чем рассказываете нам. Я не представляю, что такое лекция по Закону Божьему, и в Бога не верю, потому что не знаю о Нем ничего, но мне бы хотелось кое в чем разобраться.

– Очень интересно, – Розенберг снял, а потом снова надел очки. – Очень. Вы ведь, Краснов, активный комсомолец, как мне известно, ярый, простите за выражение, общественник? Вам должно быть все понятно. По статусу, знаете ли, положено. Вам, Краснов, история в неофициальном изложении не требуется. Для строительства светлого будущего вполне хватит основ марксизма-ленинизма и принципа демократического централизма. Даже алфавит, как время доказало, необязателен. О Законе Божьем мне как-то и говорить неудобно. Не только ввиду моей национальной принадлежности, как понимаете...

Он не обиделся и, к удивлению Розенберга, даже кивнул.

– Наверное, я этого заслуживаю, но, Арнольд Павлович, для того, чтобы понимать, кто есть кто, – надо знать.

– Значит, вы ко мне пришли за знаниями, юноша? Что ж, возьмите учебник и изучайте. У меня к вам претензий нет, вы мальчик книжный, у вас одни пятерки, и в дополнительных занятиях вы не нуждаетесь. Политику партии и правительства вы понимаете правильно, ваши ответы можно на олимпиадах демонстрировать как образец идеологически правильного воспитания. Я вам просто гарантирую пять за год и пять на госэкзамене.

– Арнольд Павлович, – вдруг сказал Краснов тихо, – вы что, думаете, что я... провокатор?

Розенберг даже вздрогнул от того, как мальчишка произнес это слово. Он бы и сам произнес его так же, с теми же брезгливыми интонациями. Но ему было семьдесят два, а этому мальцу – смешно говорить сколько, и за его плечами была Гражданская, Великая Отечественная и пятнадцать лет лагерей по «58-прим» с последующей реабилитацией, и он хорошо знал, что такое «провокаатор».

– Идите, Краснов, – сказал Розенберг устало. – Идите с Богом, в которого вы не верите, и Он, позвольте заметить, от этого никак не пострадал. Не вводите меня в искушение. Года мои не те, и ничего хорошего из этого не получится.

Костя не тронулся с места.

– Ну что вы от меня хотите, Костя? Что вы от меня можете взять? Вы молоды, вы верите в светлое будущее...

– Дело в том, – сказал Краснов, – что я как раз не верю. Не могу. То, что я знаю, то, чему меня учат, – это как сказка. Я или докопаюсь сам, или верить перестану. Это в геометрии аксиомы, там без них нельзя...

– Скажу больше, молодой человек, – перебил его Розенберг, не сдержавшись, – в истории, как в науке, аксиомы невозможны. Принимая что-то за аксиому, вы лжете и создаете столбовую дорогу для последующей лжи. Свершившийся факт нуждается только в анализе и понимании, а не в толковании. Просто ваши кумиры были другого мнения, а оно, как известно, основополагающее. Кстати, вы в Бога не верите по той же причине?

– Я не верю в то, что не могу понять... Розенберг рассмеялся.

– А в электрон? Деление ядра? ДНК? Вы уж простите, тут уж я не верю, что у вас полная ясность. Давайте договоримся, молодой человек, воздерживаться от крайних суждений и формулировок, если уж вы хотите со мной общаться. На бюро своего комитета можете быть

категоричным, а меня от этого увольте... Категоричность, на мой взгляд, есть признак неинтеллигентности и ограниченности. Ваше мнение – есть ваше мнение, а монопольным правом на истину никто из живущих на этом свете, увы, не владеет. Условие первое: в беседах со мной употребляйте, будьте добры, формулировки типа «я думаю», «я полагаю», «мне кажется», «это сугубо мое мнение» без ссылок на известные вам авторитеты. И без цитат. Цитата – материал для раздумий, а не доказательство. Вопрос к вам – почему?

– Я думаю, – сказал Костя, – потому что цитата – это чье-то личное мнение. Глупо принимать мнение за аксиому. – И поспешно добавил: – Мне кажется...

– Я купил, – улыбнулся Розенберг и написал на клочке бумаги несколько слов. – Это мой адрес. Приходите в любой день после семи. Это недалеко. Знаете, молодой человек, у меня впечатление, что Бог дал мне под конец жизни еще одного ученика, который хочет знать. Грешно было бы вам не поверить. В конце концов, я старый человек, мне бояться нечего. А вот вам есть чего бояться. Вы, прежде чем идти, подумайте хорошо...

– Я уже подумал.

– Надеюсь, у вас это в привычке. Вы тайну хранить умеете? Впрочем, какая разница? Можете не отвечать, – он махнул рукой. – Старый я дурак...

Они встречались почти каждый вечер. Старик жил один, в однокомнатной гулкой сталинке, холодной и сырой с января по январь, с высокими потолками и рычащей газовой колонкой в кухне над умывальником. Три стены из четырех были заняты книгами до самого потолка, полки громоздились в коридоре и на кухне, над столом тоже был застекленный книжный шкафчик. У четвертой стены, рядом с балконной дверью, помещалась раскладная тахта, пол закрывался старым, но не потерявшим окраску, огромным ковром, на котором разместились два потертых глубоких кресла и столик с растрескавшейся политурой. Стоял в углу допотопный приемник «Балтика», на нем примостился телевизор «Электрон», подаренный Розенбергу к семидесятилетию сослуживцами. Но старик включал его редко.

– Ну что нового они мне могут сказать? – говорил он, всплескивая сухими, морщинистыми руками, покрытыми легкими коричневыми пигментными пятнами. – Еще мой папа, светлая ему память, кстати, он был сыном раввина, говорил, что история человечества – это бочка, которую ставят с головы на ноги, а потом – с ног на голову.

Сам он, в коричневом махровом халате и теплых шлепанцах, тоже походил на раввина – старого, мудрого рабби из романов Шолом-Алейхема. Желание Кости действительно чуть не стало для него трагедией. Он хотел знать, но, пожалуй, он не знал, чего хотел. Судьба столкнула его с реликтом, с человеком, повидавшим на своем веку столько, сколько человеку видеть не положено.

Пятнадцатилетний мальчишка Арнольд Розенберг, чудом уцелевший в еврейских погромах, чинимых петлюровцами, потому что хорошо выговаривал «На горе Арарат растет крупный виноград», боец Первой Конной, тяжело раненный под Николаевым, студент Петроградского университета, самый молодой профессор истории, узник ГУЛ АГа – ЗК с номером вместо имени. Рядовой штрафбата, смывший кровью «вину» перед Родиной, гвардии лейтенант, закончивший войну в Берлине. Опять ЗК, реабилитированный в пятьдесят девятом «за отсутствием состава преступления», учитель в средней школе, преподаватель истории в техникуме, сидел перед ним, Костей Красновым, – живое историческое свидетельство, лабораторный экспонат по жизнедеятельности системы, и Костины представления рушились, как картонный домик от дуновения ветра.

Костя прочел «Архипелаг ГУЛАГ», многие из персонажей которого были Розенбергу хорошо знакомы в жизни, Замятина, Оруэлла и многое другое, что Арнольд Павлович хранил в картонном ящике, в кладовой, служившей ему платяным шкафом и тайником одновременно.

– Тут у меня лет на триста без права переписки, по совокупности, – говорил он, побрякивая и доставая из кладовки очередную запрещенную книгу. – Если бы не мои старые питер-

ские связи, Костик, имел бы я вместо библиотеки от мертвого осла уши. Друзья спасли. Меня в первый раз арестовали в университете, после лекции, это у них потом только на рассвете брать мода пошла. Чека круглосуточно хватала – Держинский, как все кокаинисты, страдал бессонницей. Энкаведэ – те любили на сослуживцев страху нагнать, а потом они себе отрядное время придумали, как мусорные машины. Психологи. В общем, как меня забрали, друзья у нового жильца, то есть у того, кого в мою квартиру вселили, часть книг выкупили. Основное, конечно, конфисковали доблестные борцы за народную идею, но то, что уцелело, сейчас представляет собой историческую ценность. Это, Костя, вы в учебниках не прочтете. Свидетельства очевидцев, плоть истории...

Костя глотал статьи, книги, перепечатанные на машинке под копирку, изданные на папирусной бумаге на Западе и неизвестно каким путем попавшие в квартиру старого преподавателя. Розенберг об этом не говорил, а Костя не спрашивал. Он был бесконечно благодарен Арнольду Павловичу за доверие, в какой-то степени безрассудное, как он теперь понимал. Знание может приносить скорбь, и Костя скорбел о шестидесяти миллионах погибших от рук режима. Расстрелянных, зарубленных, повешенных, закопанных живьем, замерзших, замученных уголовниками, расстрелянных заградотрядами и просто убитых на войне.

Раздавленные танками в сибирских лагерях, на брусчатых улицах Будапешта и Праги, располованные очередями в Новочеркасске и никому, никому неизвестные – он в одиночестве скорбел о них.

– Гражданская совесть, Костик, штука малопонятная, – говорил Арнольд Павлович. – Она вроде как есть, а тут же ее нет. Семья, дети, мама, папа... Опять-таки, кто же сует руку в работающую машину? Только психи. Законченные психи – без чувства самосохранения, которое наука относит к основным инстинктам каждого живого существа. Значит, и место им с их совестью – в доме скорби. Из двухсот пятидесяти миллионов наших сограждан меньше десятка набрались мужества выйти на демонстрацию против событий в Чехословакии в шестьдесят восьмом году. Процент от общего числа дееспособных с юридической точки зрения граждан – есть бесконечно малое число. Вы, Костя, как человек в математике сведущий, можете оценить глубину деградации общества. Вам так будет нагляднее. Мы на кухнях слюной брызгали, а они – на площадь, с плакатами. Страна кухонных демонстрантов. В нас, молодой человек, страх вгоняли пулями и шашками да аккумуляторными батареями к гениталиям, а в детях наших и в вас, наших внуках, он на уровне генетическом. Вам от этого никуда не уйти. Вот, – он ткнул рукой в сторону телевизора, – ему вы верите, а кто не верит, самостоятельно мыслящие, без страха, – это мутанты. Мутантов под статью, теперь она, если я не ошибаюсь, семидесятая, или на принудительное лечение. «Кто там шагает правой?левой, левой...» Кстати, вы лирику господина Маяковского читали? Настоятельно вам это рекомендую. Там он поэт, а все эти Брутто-Нетто...

Краснов не сломался. Мог сломаться, было отчего. Узнав систему, увидев ее со стороны, уходили в бомжи, становились мизантропами и более сильные люди. Он открыл для себя целый пласт культуры и истории, неизвестный большинству живущих в одной с ним стране, и, что поражало его больше всего, это большинство и знать ничего не хотело.

Он мог наделать глупостей, что свойственно юности, мог пытаться кричать о своей ненависти на перекрестках, но этого не произошло. Может быть, потому, что так было суждено ему судьбой, а может, потому что в теле его рядом с горячей кубанской кровью текла густая, темная еврейская кровь, и память о пяти тысячах лет гонений, смертей и исходов спала в его жилах. «Во многая мудрости – многая печали. И кто умножает познания свои – тот умножает скорбь».

Они стали друг для друга отдушиной. Такая близость возможна только среди единомышленников, даже кровные братья не достигают той степени взаимопонимания, какая была доступна им, разделенным двумя поколениями. Заканчивался 1977 год, впереди были Афганистан, сбитый корейский авиалайнер. Бесконечные похоронные церемонии у Кремлевской

стены, коммунисты, обернувшиеся демократами, и демократы, ставшие коммунистами, танки на московских улицах, бьющие прямой наводкой по знакомому по телекартинке всей стране зданию. Чревоушители и экстрасенсы, кровь и дикая животная злоба. Антисемиты, русофобы, фундаменталисты, либерал-демократы, фашисты – стоящие рядом в бесконечных очередях за стиральными порошками, водкой, хлебом и сахаром... Безумный мир, безумная страна, распадающаяся, гниющая, как труп под солнцем.

Но Арнольду Павловичу этого повидать не удалось. Его похоронили в июле восемьдесят первого на пыльном, огромном кладбище, уродливом, вовсе не похожем на место упокоения людей. Это были вторые похороны в жизни Кости Краснова. Из его жизни снова ушел близкий человек. Он хотел похоронить Арнольда Павловича на еврейском кладбище, но такового давно не существовало. На этом месте стояли гаражи, девятиэтажки, а по выложенной плитками аллее, окруженные портретами героев труда, фланировали счастливые граждане. И, как сказал бы сам Розенберг, ничего удивительного в этом нет. Разве может кого-нибудь удивлять уже существующий порядок вещей? Мир такой, какой он есть. Такой, каким мы его сделали. Своим молчанием, своей бездумной доверчивостью. Своим неумением умереть вовремя и жить как люди.

«Если вы не мишигинер, Костя, то вы понимаете, о чем я... И учтите, Костя, только глупцы считают, что еврей – это национальность или вероисповедание. Они ничего не понимают в жизни. Поверьте мне, я многое повидал. И русский может родиться евреем. Быть евреем – это судьба...»

Когда дети вернулись домой, Диана почти пришла в норму. Живот побаливал от удара, но на лице следов не оставалось, наверное, сказался профессионализм Лукьяненко, и внешне она выглядела совершенно спокойной.

Бутерброды и чай она отнесла в гостиную для Лукьяненко и его команды, а детей покормила в кухне: Дашка и Марик любили кушать за стойкой, сидя на высоких табуретах.

После обеда она уложила Дашу спать, а Марик устроился наверху, у телевизора.

С сыном Диана собиралась поговорить – без его помощи ее план был совершенно безнадежным. Ему только десять, но он сообразительный, крепкий парень. Наверное, похож на Костю в детстве. В любом случае, он сейчас ее единственная опора.

Диана спустилась на кухню помыть посуду и поймала себя на мысли, что ее тянет закури́ть. Она не курила с тех пор, как узнала, что беременна Мариком, и по сегодняшний день, и даже желания опять взяться за сигарету у нее не возникало. И сейчас Диана вначале одернула саму себя, но, подумав о том, что может с ней случиться в ближайшие сутки, взяла с подоконника сигареты. Снявши голову, по волосам не плачут.

Скорее бы пришла ночь. Диана опять вернулась к мыслям о том, что должна будет сделать.

«Единственный путь из дома – через веранду второго этажа. До земли – четыре с половиной метра, если связать в длину три простыни, можно спуститься.

Наверное, Лукьяненко и его коллеги будут ночевать внизу или оставят в верхнем холле одного из охранников. Лучше, чтобы они остались внизу, тогда ей и детям нужно спуститься со стороны столовой. Из гостиной их заметить невозможно.

Марик спустится сам. А вот Дашка... Она может захныкать, расплакаться с перепуга. С ней на руках ни она, ни Марик с веранды до земли не доберутся. Значит, Даша должна крепко спать. Тогда она обвяжет ее концом простыни и спустит прямо на руки сыну. Последней пойдет она. Можно попробовать воспользоваться машиной, ключи они отобрать не додумались. В конце концов, до трассы – пара километров, и у нее будет запас времени, пока они сообразят, что к чему. Есть шанс, что на дороге будут машины, правда, на помощь рассчитывать не приходится, но все-таки... «Опель-Астра» – не соперник «БМВ», до города она добратся не успеет.

Значит, надо сделать так. Дашке перед сном дать таблетку нозепама, будет крепко спать и не проснется, как бы ее ни теребили. Выбраться из дома. Марик с Дашкой на спине переплывет через реку, тут всего метров тридцать, а он десять раз проплывает бассейн. Они по другому берегу идут к плотине, к деду Диме, у него мотоцикл, а она пытается увести погоню на машине. Поймают так поймают, дети уже будут далеко. Хуже, если кто-то останется в холле второго этажа. Хуже для того, кто останется. Ему, – Диана подумала об этом холодно, без эмоций, – придется умереть. В шкафу с игрушками стоит Костина бейсбольная бита, а здесь, на кухне, в специальном чехле – четыре острейших ножа «Самурай». Ими можно кости рубить. Главное – не шуметь. Что бы там ни было, ни криков, ни стонов. У нее есть один удар. Только один. Она обмотает конец биты полотенцем. Нож для нее труднее – лезвие может соскользнуть, если бить в сердце, а если метить в горло, то он умрет не сразу.

Что если дежурить будут двое? Нет, это маловероятно. Двое для того, чтобы присмотреть за перепуганной женщиной и двумя малолетними детьми? Ну а если... Второму не скажешь: стойте, пожалуйста, здесь, пока я разобью череп вашему приятелю...

Господи, – подумала Диана, – о чем это я... Неужели я собираюсь бить по голове и перерезать горло. Неужели это я... Я так спокойно обдумываю, как это сделаю. Меня же действительно волнует только одно – как...»

Но она ошибалась. Оставалось слишком много «если». И это должно было волновать ее куда больше.

* * *

В любом обществе, построенном на диктате и считающем своих граждан винтиками, Костя мог быть возведен в ранг узла государственной машины. Он был рожден, чтобы организовывать и руководить. Это было его профессией и призванием, его отличительной чертой, так же выделяющей его в общей массе, как нос – шевалье де Бержерака. Природа наделила его трудолюбием и пытливостью, но вполне могла ограничиться одним талантом лидера. Возможно, не встретить он на своем пути Розенберга, не разберись в своих симпатиях и антипатиях, он стал бы одним из тех боссов, что лениво покачивают рукой, приветствуя народ с трибун во время демонстраций и из бронированных автомобилей. Но судьба распорядилась по-другому, и он был рад этому. Он по-прежнему стремился к власти, прекрасно понимая, что «кухонным бунтарем» быть не сможет. Он был не одинок в своем стремлении, рядом с ним, как лосось на нерест к верховьям реки, к истокам власти рвались молодые, неглупые ребята, отлично знающие, с какой стороны у бутерброда масло.

Для них, породистых и беспородных, в конце пути стояли черные и белые «Волги», «Чайки», «ЗИМы», просторные государственные квартиры, дачи, партийные санатории, секретарши с пухлыми развратными губами, превосходная жратва и тихая обеспеченная старость. На обочинах предназначенных им дорог склонялись в поклонах разнокалиберные холуи, под ноги стелились красные ковровые дорожки. И висел над этими дорогами очаровательный, возбуждающий похоть и аппетит запах. Запах настоящей власти.

В любой стране прекрасно быть богатым, но в этой – главное, иметь «свой» народ или «иметь» свой народ. Быть царьком – в колхозе, районе, городе, области. Если ты удачлив и готов на все, то бери выше – в республике, стране. На одной шестой части света этих царьков было, как тараканов на коммунальной кухне, и у каждого такого царька – в кармане, в ящике письменного стола, под стопкой накрахмаленных простыней в шкафу, в сейфе кабинета – лежала маленькая красная книжечка, членский билет КПСС.

В той же КПСС были миллионы тех, кого они называли «наш народ», – шахтеров, металлургов, инженеров, колхозников. И они хранили у сердца, как их и учили, заветный партбилет. Однако его наличие для получения власти было необходимым, но не достаточным условием.

Именно они, простые коммунисты, составляли платформу, на которой возлежал коммунистический монстр. Их взносы, их рабский труд кровью текли в его жилах. Они были компостом, на котором всходили ростки коммунистической аристократии. Остальные жители счастливой страны не годились даже на компост.

Это было гениальным методом подчинения – без членства в самой великой на свете партии никто не мог занять руководящий пост, а заняв его, уже с билетом в кармане, был подконтролен ближайшему «царьку» и всем, кто стоял над ним. Принцип демократического централизма действовал безотказно.

Коммунистов не судили. Предварительно, зачастую без всякой причины (это, правда, выяснялось впоследствии), столь дорогой пролетарскому сердцу кусочек красного дерматина отбирался, и самый справедливый в мире суд приговаривал к различным срокам заключения не коммуниста Петрова, а просто Петрова, не коммуниста Иванова, а просто Иванова. Товарищи по партии всегда разбирались в его вражеской сути раньше, чем следственные органы.

Для вступления в передовой отряд рабочего класса требовали рекомендаций от двух других членов ленинской гвардии, чтобы было с кого спросить в случае чего, и установили негласные квоты – по социальному и национальному признаку. На четырех рабочих – один представитель «гнилой» интеллигенции, евреев – как можно меньше, но без дискриминации, в каждой ячейке нужен «свой еврей». Вопрос о цыганах на повестке дня не стоял, а малые народы Севера – те просто гордо спивались под неусыпной заботой партийных организаций оленеводческих колхозов.

Искусство – живопись, музыка, кино и театр – должно было быть и было партийным. Телевидение и газеты – рупором партии. Страна неуклюже ворочалась под кумачовой коростой. Бездетный уродец-головастик, друг детей, создатель общества чистых тарелок стал общим дедушкой Лениным. Фискал Павлик Морозов – пионером-героем. Черное стало белым, белое – черным. Это было царство абсурда – мечта Кафки, но в этом царстве жили более четверти миллиарда живых людей, наделенных человеческими качествами, душой, да и просто совестью, наконец.

Они хотели жить, любить, рожать детей, как все существа, наделенные и не наделенные разумом, на этой планете.

Но еще некоторые из них хотели власти...

Из их рядов и приходили новые творцы абсурда, творили новые подлости и безумства, создавая условный, вывернутый наизнанку рай для себя в отдельно взятой стране.

Костя перешел на работу в райком партии инструктором по идеологической и общественной работе одновременно с уходом Дианы на преддипломную практику и дипломирование.

Его новая начальница, первый секретарь райкома КПСС, дама без возраста, с лицом идола с острова Пасхи, приняла Краснова благосклонно, пожелала успехов на новом поприще, и Костя оказался в тесном кабинетике на первом этаже кирпичной коробки.

Сразу после его ухода из университета, прямо во время фестиваля городских команд, разогнали КВН. Причем не только в его альма-матер, а во всех вузах города. Краснов посетил тризну, устроенную его бывшими подопечными, и с трудом удержался от желания напиться до полусмерти. Он хорошо знал о полученной на местах перед смертью Андропова инструкции по ужесточению идеологической работы и в душе был рад, что у ребят не будет возможности наговорить лишнего. Генсек умер, но инструкция еще действовала. Он много работал, и единственной его отдушиной, человеком, наедине с которым он становился самим собой, была Диана. Они еще не стали любовниками, Краснов сам не понимал, почему, но их общение, лицом к лицу, по телефону – не имело значения, как, – было наркотиком для них обоих.

Забылись неудачные первые встречи. Она, нет, они оба стали другими, приспособились друг к другу, отказавшись от амбиций и манерностей. Они сняли маски, и все оказалось гораздо проще и лучше, чем предполагалось.

Вначале он думал, что это просто влечение. Его просто тянуло к этой маленькой ломаче, тянуло впиться в нее, зажать ей рот поцелуем, почувствовать ее дрожь, взять ее грубо и властно, как победитель на улицах покоренного города берет вражескую жену – как законную добычу.

Наверное, это как-то отразилось на его лице в тот, первый вечер. Костя видел испуг, на мгновение появившийся в ее глазах, и загнал эту мысль в самый дальний угол своего сознания. Внезапная ярость Дианы рассмешила и удивила его – видимых причин для вспышки он не давал, а ее уход почему-то очень огорчил, и он решил встретиться с ней еще раз. Просто чтобы разобраться, чем она привлекла его в первый момент.

То же волнение он почувствовал и во второй раз. И в третий. Это было вне его понимания – ведь он так гордился своей способностью владеть эмоциями. Но это было прекрасно, потому что он никогда до того не чувствовал ничего подобного.

Да, она не глупа, образованна, хороша собой, не испорчена окружением. Наивна как ребенок во многих вопросах, избалована и совершенно не приспособлена к жизни, но какое это все имеет значение, если она – это она? Его привлекало не внешнее, а что-то другое, что было невидимо под оболочкой, и он боялся нарушить возникший между ними хрупкий мостик, избегал близости тел и вел себя, как престарелая девственница, оказавшаяся в одной казарме со спящими солдатами.

Факт остается фактом – он хотел ее и боялся, что потеряет это восхитительное чувство тревоги и нежности, испытываемое им, и то тщательно скрываемое, жгучее желание обладать. Страх перед потерей одолевал основной инстинкт мужчины.

Он понял, что может быть нерешительным, а это было очень серьезно – по сию пору он и не догадывался о таком своем качестве. Но долго подобное положение вещей сохраняться не могло. Они не были друзьями, будучи ими, они вели себя как любовники – хотя ими не были. И значит, все уже решено за них. Кем? Этого Костя не знал. Богом? Судьбой? Решал в данном случае не он. Но он был согласен с этим решением.

Он ждал ее недалеко от школы, где она проходила практику. Улицы были покрыты грязным снегом, который громоздился сугробами по краям тротуаров. На проезжей части автомобили превратили его в коричневую густую жижу, и вечерний морозец прихватывал ее сверху блестящей ледяной корочкой. Было ветрено. Прохожие кутались в воротники, прикрывали шарфами покрасневшие носы и невольно ускоряли шаг, спеша попасть домой.

Свет фонарей казался мутным, болезненно-желтым. По бульвару проносились переполненные трамваи, оставляя за собой хвосты белой снежной пыли.

– А вот и я! Ты замерз или еще не успел? Привет!

Она походила на школьницу со своим портфелем-папкой, пуховым платком на волосах и снежинками на челке и ресницах.

– Еще не успел. Я жду только пять минут. Привет, Ди! Как успехи?

Они перешли через дорогу и вышли на бульвар.

– Какие успехи? По-моему, для учительской работы я не гожусь. Во-первых, они меня как учителя не воспринимают...

– Я их понимаю.

– Перестань говорить пошлости.

– Это не пошлости, а чистая правда. Ну кто может тебя воспринимать как учителя? Тебе на вид не больше шестнадцати...

– Сколько-сколько?

– Вру. Лет четырнадцать...

– Ах ты старый лживый негодяй.

– Согласен. Старый. Но правдивый. Я бы сам только и делал бы, что пялился на твои ноги во время урока.

– Ты что, пялился на ноги учительниц?

– Никогда. Только на ноги практиканток. Лет с двенадцати, если точно помню... А твоим архаровцам – пятнадцать. Могу представить себе, о чем они думают.

– Значит, сам об этом думал?

– Хм. Теперь я понимаю, что им надо было носить юбки подлиннее, тогда у меня было бы меньше пробелов в образовании. Впрочем, если рассматривать это как педагогический прием для удержания внимания аудитории...

Они оба рассмеялись.

– Нет, правда, Костя, я так не могу. Они на меня смотрят во все глаза, ничего не соображают и совершенно ничего не знают. Девятый, десятый класс не могут сказать, как их зовут, по-английски, двух слов не свяжут. А спортсмены из спецкласса? Жуть! Длинные, как дядя Степа. Я одному говорю: «Встаньте, пожалуйста, когда я называю вашу фамилию». А он мне басом: «Диана Сергеевна, может, лучше не надо?» «Надо, – говорю, – так принято». Ну он и встал. У меня чуть шея не сломалась. «Лучше сядьте». Класс смеется: я ему по пуп. А он опять басом: «Я же говорил – не надо». И никто ни слова по-английски.

– Не удивляюсь. Им это ни к чему.

– Когда сообразят, что им это нужно, будет поздно.

– Я думаю, что если и сообразят, то немногие. Так что не переживай, Ди. Я тоже в школе особо языком не интересовался, а потом сам корячился и выучил, как видишь.

– То-то у тебя произношение, как у безграмотного индуса.

– Протест.

– Не принимается. Ты говоришь, как варвар.

– Я рад, что вообще говорю. Кстати, мисс, хочу вам напомнить, что я простой парень из маленького провинциального городка и обязан изъясняться на ломаном украинском, ломаном русском и на совершенном русском матерном. Остальное – сверх программы.

– Ладно. Не задирай нос. Я и так знаю, что ты отдаленный потомок Ломоносова.

Они дошли до площади. Ветер усиливался. Она тесно прижалась к нему, крепко ухватившись за локоть.

– Костя, я замерзаю.

– Ты женщина южная, нежная...

– Знаю. Поэтому южная женщина сейчас упадет замертво.

– Не успеет. Сейчас что-нибудь придумаем. Так, сворачиваем влево и быстренько-быстренько... Мадам, я приглашаю вас к себе. Партия и комсомол выделили мне двухкомнатную квартиру еще год назад, за особые заслуги, разумеется...

– Ты приглашаешь меня в гости? Вот уж не думала, что дождусь...

– Так ты, оказывается, ждала? Кстати, у тебя я тоже в гостях ни разу не был, так что квиты. Зато мы были во всех кафе в городе.

– Неужели во всех? – рассмеялась она.

– Ну почти. Может быть, на окраинах осталась парочка, куда нас не заносило...

– Значит, если бы эти кафешки были не на окраине, ты бы меня и не пригласил...

– Мадам?! – возмутился Краснов.

– Пока еще мадемуазель.

– Не купить ли нам бутылочку шампанского?..

– Скажу честно, хоть, может, даме это не к лицу, но я окоченела, как лесоруб, и хочу кофе с коньяком. Или просто коньяк, а потом горячий кофе. Нет, можно так, сначала горячий кофе, потом коньяк с лимоном, потом опять кофе...

– Но с коньяком, потом коньяк без кофе, – продолжал он со смехом, – полчаса по такой программе – и ты точно будешь, как лесоруб, только как пьяный лесоруб.

– Это лучше, – сказала Диана, прикрывая нос варежкой. – Господи, я чувствую себя, как кусок мяса в испарителе. Ну скоро мы придем?

Они вышли на набережную, и ветер дунул с новой силой. Невольно они перешли на бег и влетели в подъезд Костиного дома, как пули.

– Вызывай быстрее лифт, – попросила Диана, – шампанского он хотел. Ты, Краснов, морозостойчивый. Тебя на БАМ надо отправить.

– Лучше не надо.

Он распахнул перед ней дверь старого лифта, стены которого были исцарапаны и покрыты такой росписью, что аборигены пустыни Наска при взгляде на них покраснели бы от стыда.

– На надписи не смотреть, – предупредил он.

Для того, чтобы не смотреть, надо было закрыть глаза. Но лучше было бы и не дышать. Судя по запаху, в этом лифте справили нужду все собаки, кошки и дети, обитавшие в ближайших двух кварталах.

– Пардон, мадемуазель, – сказал Костя. – Придется потерпеть. Пешком тоже проблематично – восьмой этаж. И на лестнице тоже можно вступить в подарок.

– М-да, – сказала Диана, прикрывая нос, – сильное первое впечатление. Ты знаешь, мне начинает нравиться идея с кафе на окраине.

Лифт лязгнул и остановился.

Костя занимал маленькую двухкомнатную квартиру с крошечной кухней и неожиданно большой прихожей. Достоинств в ней было больше, чем недостатков, во всяком случае для Краснова, впервые в жизни получившего собственный угол. После десятка лет жизни в общежитиях это было просто раем. Квартира попала в фонды горкома после того, как ее покинула тихая еврейская семья, выехавшая на постоянное место жительства в США. Были они, наверное, из числа бедных эмигрантов, а может, сидели «в отказе» пару лет. Некогда опрятная, чистая квартира была запущена. Чувствовалось, что у отъезжавших просто до всего не дошли руки.

Получив ордер, Краснов содрал со стен обои, размыл потолки (оставил в целости только кафель в туалете, в ванной и еще на одной стене в кухне), приволок циклевочную машину и добела отчистил паркет. Через неделю квартиру было не узнать. Но вопрос с мебелью оставался открытым. Особых сбережений у Кости не было. Он ежемесячно отправлял тридцать пять рублей матери, а на его зарплату особо шиковать было невозможно. Рассчитав, что его финансов на обстановку не хватает, Краснов решил действовать поэтапно. За семьсот шестьдесят четыре рубля, в рассрочку и по знакомству, была куплена чешская гостиная. За шестнадцать с мелочью – миниатюрный, как японка, кухонный столик и четыре табуретки. За девять рублей в комиссионке найден вполне приличный кухонный шкафчик для посуды. Пустые кастрюли Костя держал в духовке, так как печь не умел.

Таким образом, одна комната была обставлена полностью, на кухне уже с трудом можно было повернуться после покупки холодильника, а вторая комната оставалась пустой, только в углу Костя держал списанный сейф, в котором хранил книги, перешедшие в наследство от старика Розенберга. По вполне понятным причинам им не было места на книжных полках.

Кроме мебели и книг были в комнате телевизор и радиоприемник ВЭФ. За стеклами в книжном шкафу стояли старые семейные фотографии. Окно и балконная дверь были занавешены дешевым тюлем, а на кухне – неожиданно яркими ситцевыми шторками. «Наверное, мать прислала», – подумала Диана. В мойке, как ни странно, не было грязной посуды. Даже чайник выглядел вполне достойно. Такой приличный эмалированный чайник, даже не очень закопченный.

– Скажи честно, ты готовился?

– В каком смысле? – спросил Костя.

– К моему приходу. Ну убирал, мыл, начищал?

– Ди, – сказал он, – я, конечно, готовился, но ты забываешь, что с детства я жил в общности. Вернее, с ранней юности. Это привычка.

– М-да... – протянула она разочарованно. – А я уже решила, что это для меня...

Костя уже открывал коньяк.

– Ты садись. Если хочешь, давай чуток насвинячим. Я это сделаю специально для тебя, с особым удовольствием.

Диана устроилась в большом кресле, рядом с горячей батареей, уперлась в нее ступнями и почувствовала, что начинает согреваться.

– И кофе... – жалобно попросила она. – Полцарства за большую-большую чашку горячего кофе.

– Слушаюсь, мадемуазель, – отозвался он с кухни. – Не желаете ли чего откушать?

– Костя, ты с ума сошел! На мне еще минимум три лишних килограмма, а то и все четыре.

– Да? Ты серьезно? Должен сказать, что они довольно удачно на тебе расположены.

– Глупости! Никто не любит толстых женщин!

– Глупости! – сказал Костя, внося поднос с бутербродами и бутылкой коньяка. – Девяносто пять процентов мужчин любят толстых женщин. А остальные пять – тоже любят толстых женщин, но тщательно это скрывают. Так, сейчас принесу лимон...

– А я помою руки... Где у вас тут моют руки, сударь?

– Выйди в коридор – не заблудишься. Справа не то, что тебе нужно, а слева – то.

– Откуда ты знаешь, что мне нужно?

– Ну тогда и справа, и слева – то, что нужно. Кстати, полотенца чистые.

– Значит-таки, готовился принимать гостей, обманщик?! – крикнула она из ванной.

– Каюсь!

– Принимается!

Проходя обратно в комнату, она увидела в прихожей телефон с длинным проводом и почему-то с волнением подумала, что во время их ночных разговоров, а болтали они иногда до поздней ночи, он говорил с ней уже лежа на диване. Эта мысль подействовала на нее возбуждающе, и она, усмехнувшись про себя, решила, что если так и дальше пойдет, придется просто спасаться бегством. Совершенно без повода, если, конечно, не считать поводом ее приход в холостяцкую квартиру, в ней опять появилось что-то, напоминающее сжатую пружину. Конечно, она понимала, что насилия с его стороны просто глупо ожидать (*О чем это вы, мадемуазель? Что за странные мыслишки приходят к вам в голову? Кто в этой комнате подумал о насилии?*), но эта внутренняя напряженность... Он был напряжен так же, как и она... Точно! Интересно, можно ли его спровоцировать? (*На что, мадемуазель? Вас-то уже и провоцировать не надо! Что бы подумала ваша мама, если бы она могла читать мысли? Мысли-то у вас, как у мадам, мадемуазель, честное благородное слово. И это еще мягко сказано! Насилие... Чушь! Вас просто невозможно изнасиловать – вы не будете сопротивляться.*)

«Стоп, – сказала себе Диана. – Это еще что за штучки. Точно, Маруська возомнила. Он и целовал-то меня только в щеку. Так что без глупостей. Тоже мне – Клеопатра. (*Сейчас выпьешь коньяку и запоешь по-другому.*) Пошлая, распушенная девчонка!»

Костя налил в рюмки золотистый коньяк и передал одну Диане.

– За что пьем? – спросила она, устраиваясь поудобнее. Костя пожал плечами.

– Давай просто выпьем за этот вечер. За тебя. За то, что мы с тобой сидим здесь, в тепле, а за окнами уже вьюга. – Он внимательно посмотрел на нее. – Выпьем за то, чтобы в нашей жизни не было одиноких вечеров. Прозит!

Они соприкоснулись рюмками, тихо звякнул хрусталь.

– Прозит!

Коньяк был крепким, и у Дианы из глаз брызнули слезы.

– Ой! – вскрикнула она.

– Лимон! Лимон бери! – посоветовал Костя. – Он с сахаром!

От лимона стало легче, а от коньяка – теплее.

– Теперь поешь, – приказал Краснов. – Пить ты не умеешь и на голодный желудок будешь буяннить. Колбаса хорошая. – Он усмехнулся кривовато. – Специальная партийная колбаса.

Диана решила не ломаться и впилась зубами в удивительно вкусный, после коньяка и лимона, бутерброд. На кухне забурчал чайник. Диана представила себе белую струю пара, бьющую вверх, подпрыгивающую горячую крышку и окончательно согрелась.

Костя принес горячий кофе, и некоторое время они ели молча, бросая друг на друга украдкой настоженные взгляды.

(Мадемуазель, да он вас боится! М-да... Веселое положеньице... Он – вас, вы – его... Ну с вами-то все понятно, а он... Мягко говоря, странный факт. Не хотите ли сказать, что он – девственник?! Вот уж точно будет не до смеха!)

– Ди! – сказал он, улыбаясь. – Давай я сразу поставлю точки над Расслабься, я клянусь, что не буду до тебя дотрагиваться, пока ты сама этого не захочешь. Держись ты, конечно, героем, но, по-моему, трусишь, как заяц.

(Браво! Он ждет, что ты прыгнешь ему на колени!)

– С чего ты взял? – она проявила выдержку и не подавилась от неожиданности. – Я что, выгляжу как-то не так?

– Выглядишь ты превосходно. Очень румяная. Но боишься. А мне не хотелось бы, чтобы ты меня боялась.

– Ну вот что, Краснов, могу тебя заверить, что на сексуального психопата ты не похож.

– Согласен. Для того чтобы относиться к тебе как к очаровательной женщине, вовсе не надо быть сексуальным психопатом. Достаточно просто быть мужчиной.

– Опять читаешь мне лекции?

– Вот уж нет, Ди! Просто хочу, чтобы ты знала: вне зависимости оттого, что я думаю и о чем думаю, все зависит только от тебя.

– Интересно, а о чем ты думаешь?! *(Мадемуазель, это – провокация!)*

– Я думаю, – сказал он, и Диана увидела в глубине его глаз тот же отблеск, тот же клубящийся черный дым, что и во время их первой встречи, – я думаю о том, какой у тебя нежный рот. Яркий и нежный. Как хорошо было бы коснуться его губами. Вначале чуть-чуть. Потом поцеловать его, а когда он чуть приоткроется, и я услышу твое дыхание и почувствую твой горячий, быстрый язык... Продолжать?

(М-да, мадемуазель... Похоже, мне уже недолго вас так называть. Ну чего ты молчишь, тебя же спрашивают?)

– Если тебе интересно, то, как понимаешь, я знаю что такое целоваться.

– Я догадываюсь. Но это только малая часть того, о чем я думаю. Мне продолжать?

(Ну? Решайся! Имей только в виду – это пока только разговоры. Вдруг он тебя действительно пальцем не тронет без твоего разрешения, трусиха?!)

– Мне даже интересно.

– Вот и прекрасно. Потом я поцелую твою шею, чуть ниже розового хитрого ушка, и ты услышишь мое дыхание, а не мой голос. Оно будет теплым, и это тепло пойдет по твоим плечам, спустится на грудь и в живот. Глаза твои прикроются...

(Ого! Похоже, мадам, простите, мадемуазель, что это тепло уже начало спускаться и без поцелуев. Вы рискуете, и вам, кажется, это по нраву!)

– ...а я начну целовать твои плечи, ямку у основания шеи, ключицы. Сгибы твоих рук...

– Ты смотришь на меня, как кролик на удава, – сказала она. – Ну хорошо, убедил... Я действительно боюсь.

– Не надо. Не надо бояться, – сказал он. – Во-первых, я тебе обещал. Во-вторых, ничего страшного в этом нет.

– Я боюсь не тебя и не того, что все равно рано или поздно произойдет. Я боюсь себя.

– А вот этого, Ди, делать не нужно никогда. Бояться себя, своих чувств, своих эмоций. Неужели ты не веришь сама себе?

– Перестань, – она внезапно разозлилась. – Если бы я не боялась своих эмоций, я бы уже давно и ничего не боялась. Ты просто рассуждаешь как мужчина.

– Ну так я действительно не девочка! – улыбнулся он. – Но, поверь, прекрасно понимаю, что такое быть молодой привлекательной девушкой. Ди, не злись! Я правда догадываюсь, что вы, женщины, в этом плане совершенно на нас не похожи, и рад, что ты не всеядна. Я вовсе не хотел тебя обидеть и не смеюсь над тобой. В конце концов, каждый решает это для себя, и без ошибок не обходится. Извини, что я заговорил об этом.

– Да, – сказала она решительно. – Наверное, ты зря заговорил об этом, но если уж мы начали говорить, давай закончим. Я не стыжусь того, что я такая, как есть. Мне нравится, что мужчины обращают на меня внимание. Мне нравится, что они меня хотят. Я так устроена. Я – женщина. И никогда не смогу думать и чувствовать иначе. Я хочу любви. Сейчас, когда ты так говорил обо мне, мне было очень приятно тебя слушать. И ты прав – я боялась. И сейчас боюсь. Знаю, что надо относиться к этому проще, но не могу. Это как войти в темную комнату. Тебе странно это слышать?

– Нет. Просто я знаю, что войти в темную комнату легче, если ты уверен в том, кто идет рядом с тобой. А ты еще этого не знаешь.

Она махнула рукой.

– Женский роман у нас, а не разговор. Прости, Костя, я дура, что его начала. Принято?

– Нет. Ты не дура. И извиняться нечего. У нас с тобой прекрасный вечер, нам тепло, мы вместе, а на все остальное – наплевать. Все равно, Ди, самые главные в жизни проблемы – это твои и близких тебе людей. Их надо решать в первую очередь.

– Ты закоренелый эгоист, – она улыбнулась. – А как же судьбы мира?

Что с того, что ей хотелось разреветься?

– А нет никаких судеб мира, Ди. Есть миллиарды людских судеб. Твоя, моя, твоих родителей, моей матери. Это и есть мир. Нужно просто не делать зла и не жить за чужой счет.

– Это ты сам придумал?

– Нет. Это придумал один тридцатитрехлетний еврей чуть меньше двух тысяч лет назад.

– Да. Но за это Его распяли...

– Распяли, – согласился Костя. – Но с тех пор почему-то никто не выдумал другого рецепта, чтобы жить в согласии со своей совестью. Ты знаешь, Ди, – он подошел к балкону и, отодвинув занавески, посмотрел на кружащий за окнами снег. – Я понял, что скажу тебе это сегодня. Я хочу, чтобы ты была счастлива и всегда была рядом со мной. Ты близкий мне человек, и я хочу заботиться о тебе. Я хочу, чтобы ты родила нам ребенка. Двух. Трех. Сколько захочешь. Я хочу, чтобы мы были вместе.

Она молчала. Ей признавались в любви еще в первом классе, а он не сказал «Я люблю тебя». Он не сказал само слово – «люблю». Он словно избегал его. Но он сказал все, что в нем содержится, – раскрыл его смысл. Быть рядом, заботиться друг о друге, быть счастливыми, рожать детей.

Но ей хотелось услышать это истертое, затасканное, банальное «люблю», ведь это слово было, когда еще ничего не было. Из него возник мир.

– Я люблю тебя, Ди, – сказал он, отвечая на ее мысли. – Наверное, это надо было сказать в первую очередь. Я люблю тебя.

– Да, милый, – она говорила тихо. – И больше ничего не надо было говорить.

– Я все испортил, да?

– Нет. Ты все исправил, глупый. Я тоже люблю тебя. Но девушке нельзя говорить об этом первой.

Он сел в кресло напротив нее, и их взгляды встретились.

– По законам жанра ты должен сейчас сказать, что никому до меня этого не говорил.

– Я никому до тебя этого не говорил.

– Это, конечно, неправда, но мне почему-то хочется поверить.

– Ди, это правда. Я прекрасно обходился без этого.

– Тогда я тебе верю.

– Ты веришь, потому что это правда.

– Я верю, потому что хочу верить. Это не играет никакой роли, Костя. Я тебе верю.

Они опять замолчали.

– По законам жанра ты должен меня целовать уже пять минут назад.

– Это будет не просто поцелуй.

– Я знаю. Ты уже рассказывал.

– И ты меня уже не боишься?

– Я тебя никогда и не боялась. Я боялась себя.

– А теперь?

– Теперь – нет.

Он прикоснулся к ее губам чуть-чуть, нежно, как обещал. Они на мгновение замерли, словно перед тем, как броситься в ледяную воду, и Диана услышала в тишине гулкие удары своего сердца.

А дальше... Дальше она забыла о страхе и ничего не слышала, кроме своего и его дыхания. Он был так мучительно нетороплив.

Это было лучше, чем все, о чем она мечтала. Его губы, руки делали именно то, что хотелось ей в ее девичьих снах, переполненных током горячей, пульсирующей крови. Как долго она ждала, как много терпела...

Он оторвался от нее, и они посмотрели друг на друга мутными от желания глазами.

– Милый... – сказала она, – если я скажу, что меня еще никто так не целовал, ты мне поверишь?

– Это, конечно, неправда, но мне почему-то хочется верить.

– Но это правда. Хотя я не могу сказать, что прекрасно обходилась без этого.

– Вот теперь я тебе верю. Они рассмеялись.

– Я пойду в ванную, а ты постели постель.

– Хорошо. Полотенца чистые.

– Ты это уже говорил. – Да?

– Ты ведь знал, что этим сегодня кончится?

– Этим все начнется.

– Я верю, потому что хочу верить.

– Ты веришь, потому что знаешь, что это правда.

Она стояла под струями теплой воды и наслаждалась ожиданием. Это было восхитительно – знать, что через несколько минут тебя обнимут теплые нежные руки, что сегодня вечером рядом с тобой будет любимый человек. Это чудо. Еще год назад она не знала его, никогда не видела. А сегодня – ближе его у нее никого нет. И, даст Бог, она уже не будет одинока. Она не боялась показаться неопытной, разве это имеет значение? Разве что-нибудь имеет значение, когда происходит Чудо?

Диана вышла из ванной и скользнула под легкое одеяло, всей кожей ощущая свежесть накрахмаленных простыней. Она всегда любила спать обнаженной, но сейчас воспринимала свою наготу по-другому. Это было женское ощущение. Он никогда не видел ее тела и сейчас увидит впервые. Повинуясь порыву, она убрала одеяло и забросила руки за голову. Ей хотелось, что бы он увидел ее, когда войдет.

Бра освещало комнату неравномерно, и изножье кровати тонуло в сумерках, темнота затаилась в углах и за окнами.

«Словно покрытый снегом остров, – подумала Диана, – и на этом острове мы вдвоем».

Они лежали, крепко прижавшись друг к другу. Переплетясь ногами и не размыкая объятий.

– Я счастлива, – сказала Диана, – что у нас это случилось. Я счастлива, что ты мой первый мужчина, я счастлива, что было так хорошо. И просто потому, что ты есть.

– Я не сделал тебе больно?

– Нет. Я почти ничего не почувствовала. Но мы испачкали кровью твою белье.

– Ерунда. Так, маленькое пятнышко.

– И не только кровью. В комнате просто пахнет сексом. Она тихонько рассмеялась.

– Мне нравится этот запах. Мне нравишься ты. Мне очень понравилось то, что мы с тобой делали.

– Я обещаю тебе, что будет еще лучше.

– Ты врешь. Лучше не бывает.

– Бывает, Ди. Для нас с тобой каждый раз будет еще лучше. Я люблю тебя.

– Я люблю тебя тоже. Мне кажется, что я летала. У меня совсем нет сил.

– Ты останешься у меня сегодня?

– Надо позвонить маме.

– Ты останешься у меня завтра?

– Да. Но мама будет ужасно огорчена.

– Чем?

– Моим поведением. И папа тоже.

– Может быть, они будут за тебя рады. Давай завтра я с ними познакомлюсь.

Она засыпала.

– Милый, у меня нет сил. Я не в том состоянии, чтобы думать о завтрашнем дне. Я хочу думать только о сегодня. Который час?

– Восемь пятнадцать.

– Разбуди меня через час, милый.

Через час она позвонила домой и сказала, что ночует у подруги.

Через неделю переехала к нему.

Через месяц они стали мужем и женой, а к концу года на свет появился Марк Константинович Краснов. Горластый, толстощекий малыш с живыми, как ртуть, глазами. Родители были молоды и счастливы. Жизнь была прекрасна. Впереди был новый, 1986 год. Год больших перемен.

Часть вторая

День казался бесконечным. Диана чувствовала себя постаревшей на добрый десяток лет.

Солнце падало за лес, еще отсверкивая на речной глади, но свет его уже стал нежно-золотистым, и в нем появились первые красноватые блики. Ветер перед закатом словно умирал – у него не было сил тревожить тяжелые кроны сосен, и он трогал ветви совсем тихо, лишь шевеля длинные, плотные на ощупь иглы.

Чуть дальше, в чаще, темнота уже успела упасть на землю, покрытую толстым слоем осыпавшейся хвои. Лучи солнца сюда не проникали, запах подопрелых сосновых игл стелился над самой почвой, пряный и тяжелый. Это был первобытный лес, сохраненный военными как заповедник. Двести тысяч гектаров чащи, болот, озер, лесных речушек, буйных кустарников отводились для охоты генералитета, для его вельможных забав были выстроены охотничий домик и несколько легких коттеджей.

В этих местах было несчетное множество кабанов, оленей, лисиц и прочей живности, озера полны жирными ленивыми карасями, а осенью хвойный ковер приподнимали крепкие, яркие головки грибов. Удивительней всего, что в лесных озерах, тихих и мрачных, прижился лотос, настоящий лотос – и в июле-августе озера Княгиня, Три Собаки и Кабанье укрывались потрясающим воображение розово-перламутровым ковром.

В лес было страшно заходить и зимой, и летом – так величествен, могуч и дик он был. А по ночам он казался особо таинственным и злым, и пах, как зверь в засаде, – мускусом, страхом и свежим острым запахом опасности.

Лукьяненко и компания, как она и предполагала, расположились внизу. Один из охранников хозяйничал на кухне: звенела посуда, посвистывал на плите чайник. Они явно осваивались, но говорили по-прежнему мало, обменивались одиночными репликами, короткими фразами – ну точно киногерои. В общем, следили за имиджем и старались не выходить из образа.

Диана не могла не отметить определенного рода наигрыш в их поведении, но уже не иронизировала внутренне по этому поводу. Они исполняли роль «крутых парней», а значит, были ими. Желания проверить, действительно ли они вжились в роль, у Дианы не возникало, а при виде Лукьяненко она испытывала теперь такие приступы омерзения, что даже страх не шел с ними ни в какое сравнение.

Она воспользовалась тем, что Марик прилип к телевизору, а Дашка вытащила из шкафа домик Барби, и занялась уборкой. А на самом деле – подбором вещей, которые могли бы понадобиться ей ночью.

Бейсбольные биты – большая и маленькая – стояли в стенном шкафу среди одежды и игрушек Марка. Маленькую, легкую, Диана оставила на месте, а большую перенесла в стенной шкаф спальни, поставив ее за дверцы. Среди игрушек на полу Диана нашла мощный, тонкий, как палочка, фонарик «Филипс» и упаковку батареек.

В Костиной тумбочке лежали две зажигалки и запечатанная пачка сигарет, швейцарский армейский нож с немислимым количеством лезвий и приспособлений, несколько блокнотов, ручки и упаковка «Алко-Зельцера». В Дианину черную ветровку переключевали свежезаправленная «Зиппо», пачка сигарет, нож, фонарик и, после короткого раздумья, Дашкина скакалка.

Нож «Самурай» с длинным тонким лезвием, похожий на кинжал, Диана незаметно принесла с кухни еще днем и расположила на верхней части лутки дверей спальни, на небольшой полочке, образованной наличниками.

Балконная дверь из спальни на веранду открывалась легко, без скрипа – замки и петли были под бронзу или бронзовые, с хорошими подшипниками, не чета хлипким отечественным, и Диана мысленно поблагодарила бывшего хозяина дома за его стремление жить «по-богатому».

Закрыв за собой двери спальни, Диана примерилась к бите – тяжелая палка со свистом вспарывала воздух и была грозным оружием даже в ее слабых руках. Если обмотать ее полотенцем, свиста не будет и удар будет не слышен. При этой мысли Диана сглотнула подступившую тошноту и поставила биты обратно в шкаф.

В конце концов, она может и не убить его, а только ранить, оглушить, покалечить. Вон какие они – крепкие. И вообще, пока об этом лучше не задумываться. Если она оглушит часового, то можно будет забрать пистолет. Штуку для нее малопонятную, только в кино виденную. Она плохо понимала разницу между револьверами и пистолетами и один раз в жизни стреляла из мелкокалиберного ружья. Если к ней в руки и попадет пистолет, то толку от него будет мало. В кино так лихо передергивают затворы – это она себе представляла. Надо потянуть за пистолет сверху, он щелкнет, и тогда надо жать на курок. Или нет, там надо еще что-то нажать или повернуть, какая-то кнопка, чтобы пистолет не выстрелил случайно. А где эта кнопка? Придется искать. Попасть она не попадет, а вот шума будет много. Хоть страху на них нагонит. М-да... Она не Джеймс Бонд, к сожалению.

Покончив с уборкой, Диана спустилась вниз и прошла в кухню, стараясь не смотреть на Лукьяненко и его головорезов.

Двое смотрели телевизор, Лелек занял пост в прихожей, а сам шеф читал книгу, которую достал из книжного шкафа. Мирный семейный вечер у камелька. Диана на скорую руку приготовила детям омлет, разлила по чашкам томатный сок, нарезала молочной колбасы. На десерт из холодильника достала по тетрапаковской упаковке вишневого сока и печенье.

Ей самой есть вовсе не хотелось, более того, сама мысль о еде вызывала тошноту, и желудок судорожно сжимался. Может быть, от дневного удара в живот. А может быть, от волнения, точно она не знала.

Несколько раз звонил телефон, но Лукьяненко трубку не поднимал, и звонки умолкали.

Один из охранников включил на щите внешнее освещение, и вокруг дома, на подъездной дорожке и на лужайке зажглись круглые шары фонарей, очертив границу непроглядной лесной темени мягким желтовато-белым светом.

Дети поели, и Диана снесла посуду вниз в кухню, навела порядок. Сделала бутерброды, чай и без слов отнесла их в гостиную. Лукьяненко проводил ее насмешливым, одобрительным взглядом, и у Дианы внутри все задрожало от бешенства. Дети возились с игрушками, на экране включенного телевизора разыгрывалось очередное воскресное шоу.

Диана посидела на диване, бездумно глядя на экран, достала из сумочки ключи от «Астры», переложила их в нагрудный карман ветровки и снова уселась перед телевизором, подобрав ноги.

Главное – не забыть дать Дашке перед сном таблетку транквилизатора. Укладывая сына, тихонько с ним поговорить. Он смелый мальчик, он все поймет и сделает, как надо. На секунду у Дианы мелькнула мысль бежать с детьми до плотины, но она тут же отмела ее в сторону.

Дети пойдут одни, она даст им время удалиться на нужное расстояние и поднимет шум, уводя погоню за собой. Пока они будут ловить ее, Даша и Марик будут уже далеко, Лукьяненко и в голову не придет, что десятилетний мальчик и четырехлетняя кроха ночью переплыли реку и в кромешной мгле бредут по лесу, к плотине. Вначале они будут ловить ее, потом, если поймут, искать детей на этом берегу – это будет трудно ночью, а утром – уже поздно. Надо, чтобы Марик взял с собой арбалет, на всякий случай, если эта четверка окажется сообразительней, чем она предполагает.

Диана опять спустилась вниз и попросила у Лукьяненко разрешения спуститься в подвальное помещение, к холодильнику.

Он кивнул, но один из охранников пошел с ней и сверлил взглядом спину, пока она доставала продукты. Зайдя в кладовку, где они хранили старые коробки от игр и аппаратуры, она сразу же нашла коробку от арбалета. Три коротких тяжелых стрелы лежали в ней, и Диана бла-

гословила Костину педантичность и любовь к порядку. Она положила стрелы на дно небольшой коробки, закрыла сверху двумя упаковками йогуртов и другой снедью, а потом под бдительным оком зомби поднялась в кухню.

Разложив все по полкам в холодильнике, она, пользуясь безнадзорностью, прикрепила стрелы пластырем на голень под джинсами и поднялась наверх. В спальне Диана отыскала кусок целлофана и, замотав в него «Филипс» со свежими батарейками, запечатала пакет пластырем, прихваченным на кухне. Теперь в фонарик вода не попадет, и Марк сможет им пользоваться на ночной тропинке.

Самое сложное – переправить детей на ту сторону реки. Дашка будет заторможена или вообще будет спать, а он должен проплыть почти тридцать метров. Большой риск. «Значит, поплыву и я, – решила Диана, – правда, пловец из меня, как из топора, я и днем через эту речку переплывать боюсь, но как-нибудь доберемся. Эврика!»

Диана бросилась к шкафу и достала с верхней полки, из самого угла, маленький круг для плавания и детский надувной жилетик. Дашка училась в нем плавать на море в прошлом году и несколько раз купалась здесь. Как хорошо, что она вспомнила об этом. Они доплывут, буксируя девочку и пакет с одеждой. Потом Диана вернется обратно, оденется и, выждав время, угонит собственную машину с как можно большим шумом. Отличная мысль – порезать им шины! Может быть, она улизнет, если удача будет на ее стороне. Но только если удача будет на ее стороне.

И Костя, и Диана понимали, что быть молодыми, здоровыми и бедными лучше, чем старыми, больными и богатыми. Но понимание этой сложной жизненной сентенции не закрывало дыры в семейном бюджете. Если бы не Костина специфическая работа, им было бы совсем тяжело.

Диана дипломировалась с небольшим животиком, который тщательно скрывала. Она плохо переносила первые месяцы беременности и, по общему мнению, за короткий срок показала все дурное, что есть в характере, на пять лет вперед.

Ее постоянно тошнило, кружилась голова, донимали запахи. Каждое утро она с ужасом искала на теле пигментные пятна и осматривала зубы. Костя относился к ней прекрасно – она принимала это разумом, но все равно настрадался он от ее вспышек в полной мере.

Она стала ревнива, хотя ее положение не мешало им заниматься любовью с небольшими предосторожностями, и все время терзала себя мыслями о том, что он может изменить ей теперь, когда она стала некрасивой и толстой.

– Ди! Ты говоришь глупости! Где, в каком месте ты толстая?! По тебе ничего не видно!

– Не видно! – она надувала губы как капризный ребенок. – Я сегодня смотрела в зеркало – у меня огромный живот.

– Ди, ты полчаса как беременна. Живот будет виден на четвертом месяце и то чуть-чуть...

– Просто ты не хочешь видеть! Ты вообще меня не замечаешь!

– Диана! Я тебя прошу, будь умницей. Я от тебя не отхожу. Ну хочешь, идем, пройдемся... Прекрасная погода, тепло...

– Ну и иди, если хочешь. Так и норовишь убежать.

– Диана, я же зову тебя прогуляться. Я сам не хочу...

– Видишь, ты не хочешь со мной гулять. Меня тошнит, я скоро буду уродиной...

На ее глазах выступали слезы. К Костиной чести, он ни разу не позволил себе сорваться, хотя Диана могла вывести и святого.

– Терпите, Костя, – говорила теща, когда они заходили в гости. – Я вижу, что вам сейчас нелегко, но это у нас наследственное. Я была еще хуже, падала в обмороки, третировала мужа, рыдала и так, простите, ела, чтобы не сказать, жрала, что мне не успевали шить платья. При

этом меня еще и тошнило, так что был полный букет. До самого последнего дня, заметьте. Желаю вам лучшего, дети. Говорят, самые тяжелые – первые три месяца.

Теща словно в воду смотрела. На четвертый месяц Диана стала спокойной, перестала жаловаться на тошноту, похорошела, и в семье стало спокойно.

Косте нравился ее маленький выпуклый животик, и он часто, когда она спала, легонько трогал его, словно стараясь проникнуть сквозь тонкую розовую кожу и увидеть того, кто там рос.

Они решили не проходить обследование на УЗИ – кто родится, тот родится, но оба были уверены, что будет мальчик. На седьмом месяце, когда Диана уже с гордостью носила перед собой острый, словно пристегнутый живот, они уже знали наверняка, что родится сын.

Хотя до родов было еще далеко, в семье царила атмосфера ожидания. Неизвестный малыш, сидящий в Диане, был непоседой и крутился, особенно вечером и ночью, как юла, награждая будущую маму пинками. Иногда он пинал и Костю (у них с Дианой вошло в привычку спать, тесно обнимая друг друга), и неродившийся пока еще член семьи бил твердой пяткой в папину спину.

В ноябре освободилось место первого в горкоме комсомола, и Костя, о котором сразу вспомнили, с удовольствием оставил райком КПСС и его идолоподобную хозяйку.

Его приход на комсомольскую работу совпал со странными событиями, разворачивающимися в стране.

Уже несколько лет, с момента прихода к власти Горбачева, государственный корабль начал делать странные маневры по курсу следования. Привыкшие к четким указаниям сверху местные бонзы пребывали в растерянности. Зуда реформаторов они не испытывали за всю свою счастливую жизнь, да и двадцатилетнее правление вельможного земляка действовало расслабляюще.

В Москве провозглашались новые лозунги, комментаторы на экране захлебывались слюной от энтузиазма, рассказывая о новых факторах успешного строительства светлого социалистического будущего – перестройке и ускорении. Костя, питавший вполне понятное недоверие к высокопоставленным реформаторам, воспринимал события с иронией. Они говорили об этом еще до рождения Марка, в то время, когда Диана ходила беременная и имела много времени для того, чтобы ближе познакомиться с истоками мировоззрения собственного мужа.

– Пессимист – это хорошо информированный оптимист, – говорил он, просматривая газеты за ужином (от этой привычки Диана его избавить не сумела). – Я, Ди, очень хорошо информирован. Больше, чем хотелось бы.

Диана была уже знакома с содержанием сейфа, стоящего в пустой комнате, и прочла почти все. Но, наверное, ее женское восприятие было иным, чем у Веры Засулич. Поэтому, ужаснувшись, она осталась такой же безразличной к политике, какой и была всю свою предыдущую жизнь. Костя удивился ее реакции, но огорчен не был.

– Это к лучшему, – сказал он. – Двое раненых в одной семье – это уже перебор.

– Ты уж прости, милый, но я всегда знала, что плетью обуха не перешибешь.

– Народная мудрость.

– Да, народная мудрость. Сейчас ты скажешь, что народ имеет то правительство, которое заслуживает.

– Ах ты, маленькая хитрая девчонка! Она подошла сзади и обняла его за плечи.

– Костик, ты у меня мудрый, ты у меня хороший, ты мне нравишься такой, как есть.

– Намек понял. Ты тоже мне нравишься такая, как есть. Это хорошо?

– Это очень хорошо. Давай думать, что мы на необитаемом острове.

– Ди! Этот остров обитаем!

– Ну и бог с ними со всеми, – она осторожно прижалась к его щеке щекой. – У меня есть ты, и этого мне хватает.

- Я куплю тебе стопку женских романов...
- Купи, милый...
- Штук десять...
- Очень хорошо.
- Ты можешь вывихнуть себе челюсть от зевоты...
- Беременным нужен покой.
- Договорились. В субботу...
- Что в субботу? – она добралась до уголка его губ.
- В субботу... – сказал он менее решительно.
- Мне что, ждать до субботы? Я умру с голода.
- Опомнись, беременная женщина!
- А если ты будешь очень осторожен...
- Ты так думаешь?
- И очень нежен...
- Хм.
- То зачем ты тогда говоришь о субботе?
- И действительно – зачем?

Когда они устали заниматься любовью и лежали в постели, влажные от пота, еще с неровным дыханием, все остальные проблемы казались далекими, как экватор. И тогда Диана впервые поняла, что любовь – не только великая радость, но и убежище, которое люди дают друг другу. И, может быть, это самое надежное на свете убежище – тот необитаемый остров, о котором они говорили.

У Кости не было друзей в обычном понимании этого слова. У Дианы не было подруг. Но приятелей и приятельниц у них было превеликое множество. Диана, правда, по телефону общалась с некоторыми из своих соучениц. В гости приходила Оля Кияшко и все время поддевала Костю в свойственной ей фривольной манере.

Диана подозревала, что Кияшко вполне могла положить глаз и на ее мужа, просто так, из любопытства, но Оля была сдержанна как никогда и дальше невинных издевок не заходила. Себя она считала крестной матерью их брака и, в общем-то, была недалеко от истины.

О своей личной жизни она отзывалась с иронией – последнее ее увлечение было усатым черноглазым грузином с анекдотическим именем Гиви и проживало в Тбилиси. О своей работе Гиви ничего Кияшко не говорил, но почти каждые выходные прилетал за ней и увозил ее то в Ялту, то в Сочи.

Диана, которая первое лето за много лет никуда не ездила, поинтересовалась:

- Ну и как там Сочи? – В ответ на что Оля махнула рукой.
- Как в анекдоте: «А что, тут и море есть?» У него темперамент, как у африканца. Он меня на руках носит – от постели к постели. Говорит, что у него в Тбилиси дом, а женщины нет. Замуж зовет.
- А ты?
- Что я? Он мужик, конечно, ничего. Я его пыталась насмерть затрахать – чуть наоборот не получилось. И ласковый. Но замуж за него я не выйду.
- Почему?
- Потому что не люблю.
- Ты ему об этом говорила?
- Да, говорила дураку. А он: «Гиви нельзя не любить!» Привез перстень – обручиться хотел. Я не взяла – он плакать. На усах слезы... Анекдот!
- Стерва ты, Кияшко! Он к тебе со всем сердцем...

– У него сердце в штанах! – отрезала прямая, как портновский метр, Кияшко. – Мне свобода дороже. Он меня в своем Тбилиси запрет в клетку. У них там и из дому одна не выйдешь.

– Между прочим, – вмешался Костя из кухни, – Тбилиси – очень даже европейский город.

– А ты не подслушивай бабий треп, – возмутилась Кияшко. – Тебе рано еще такие вещи слушать. Охмурил свою королеву, а меня – в Тбилиси. Ты лучше меня со своим замом познакомь.

– Так он женат.

– И лысый, – добавила Диана. – И противный, как теплое пиво.

– Класс, – восхитилась Оля. – Ты где таких подбираешь, Краснов? У вас где-то склад?

– Мы их культивируем, – отозвался Костя. – Чтобы красавицы вроде тебя не отрывали их от общественно важной работы.

Кияшко фыркнула.

– Ничего достойного в этом городишке. Брошу все – и в Тбилиси.

Они еще потрепались, поохмили, вспоминая прошлое, Диана выслушала все последние новости в юморном, чисто кияшкинском варианте. После чаепития Ольга ушла, оставив после себя крепкий аромат духов.

– Мне ее жаль, – сказала Диана. – Никого у нее нет. Она одна. Гиви этот из анекдота.

Костя улыбнулся.

– Она, Ди, по-своему очень счастливый человек, и жалеть ее не надо. Она кошка, которая гуляет сама по себе. Веселая, умная и горящая своей независимостью.

– Глупый, на кой черт ей ее независимость? Все мы независимые – до тех пор, пока никого не любим. Ты вот у меня был независимым, и я была. Ты что, жалеешь, что мы зависим друг от друга?

– Ди, люди разные...

– В чем-то все одинаковы, Костик. Все хотят счастья, покоя и любви.

– Принято. Но они по-разному понимают счастье, покой и любовь. Так что нос не задирай! Ты своей логикой меня не задавишь! Ты у меня мудрая старая змея, но и муж у тебя тоже – старый мудрый змей.

– Очень старый.

– Молчи уж, детеныш.

– И очень мудрый. Как чукча: «Умный-умный, а дурак». Ты что думаешь, она не хочет иметь любимого мужа, детей, дом?..

– Не уверен, Ди. Она никому не верит, кроме себя. В общем-то, и так жить можно. У меня, например, получалось. Но это грустно. И его мне тоже жаль.

– Ты об этом Гиви?

– Да, детеныш! Я знаю многих грузин. Они очень мужественные и сильные люди. Если грузин плачет, то он очень сильно огорчен. Даже не огорчен – у него большое горе. Думаю, что наша подруга Кияшко для него очень много значит. И мне он вовсе не показался смешным по ее рассказам. Мне его слезы даже симпатичны.

– Но она его не любит... Костя хитро блеснул глазами.

– А ты не думаешь, что она приходила советоваться.

– Мне это, если честно, в голову не приходило... – сказала Диана задумчиво.

– И посмотреть, как живешь ты. Ты ведь, по ее мнению, теперь тоже женщина несвободная.

– Глупости!

– Естественно, глупости! Глупее не бывает. Но Кияшко любит все пощупать, рассмотреть. Ей советы вроде бы как и не нужны. В жизни не спросит. Только мы с тобой ей этот совет уже дали.

– Быть того не может!

– Может, Ди. У тебя подруги такие же хитрые, как ты. Увидишь, что будет. Ты что делала, когда со мной познакомилась?

– Пила шампанское и танцевала.

– Это я и сам видел. Но я не об этом... Ты видела во мне врага, но я тебе нравился?

– Еще чего!

– Отшлепаю.

– С удовольствием. Прямо здесь?

– Ты прятала свои положительные эмоции под враждебностью, а она – под бравадой...

– Ты самоуверенный тип, Краснов.

– Конечно, именно поэтому мы муж и жена. Спорим, что эта история с продолжением?

– И спорить не буду. Ты почему-то всегда выигрываешь. Это нечестно!

– Это потому, что я старый мудрый змей.

Через месяц вечером в двери позвонили, и румяная Кияшко возникла на пороге с бутылкой шампанского. За ее спиной маячил высокий худой молодой человек – с буденновскими усами и великолепными черными сверкающими глазами. От него так и веяло теплом и общительностью.

– Это Гиви, – представила его Кияшко. – Мы к вам, ребята, познакомиться и попрощаться.

Гиви протянул Диане огромный букет.

– Не попрощаться, Оленька, – заявил Гиви густым тенором, заполнившим всю прихожую. Он говорил по-русски совершенно без акцента. – Только познакомиться! С хорошими людьми не прощаются! Гиви! – он протянул руку Косте. – Гиви Водачкория.

Пока мужчины беседовали в комнате, Оля с Дианой на скорую руку мастерили ужин. Кияшко была взволнованна и цвела, как пион.

– Ну, мать, все, отгуляла... Не могу больше. Я его два раза выгоняла, не уходит.

Диана улыбнулась как можно незаметнее.

– Значит – уступила.

– Он меня взял, как Суворов – Альпы.

– Суворов Альпы не брал. Он их переходил. Он брал Измаил.

– Какая разница, мать! Значит, как Измаил. Завтра в Тбилиси. На свадьбу не зову, с твоим пузом не полетаешь, но летом чтобы была обязательно.

– Ты давай, сначала замуж выйди.

– Если я за него не выйду, он меня зарежет!

– Врешь, подруга. Сама аж пищишь от счастья, но врешь.

– Вру, – призналась Кияшко. – Я так подумала-подумала и решила: на хера мне эта независимость?

Они рассмеялись. Уже не только как подруги, но и как сообщницы.

– Детей нарожаю, – сказала Оля. – Он хочет троих. Кстати, он по профессии – юрист. А юрист в Грузии – очень уважаемый человек. И судя по тому, сколько он зарабатывает, – он хороший юрист.

– Какая разница, – Диана внимательно посмотрела на подругу, – пусть он хоть отары пасет. Я тебя, дурища чертова, ни разу такой не видела. У тебя счастье из ушей лезет. Гиви из анекдота... Сама ты из анекдота. Хватай тарелки и пошли в комнату, мужчины заждались.

Они выпили весь коньяк в доме и съели все, что было в холодильнике. Диана, правда, не пила, но тоже была весела и радостна. Водачкория оказался прекрасным рассказчиком, веселым интеллигентным парнем, а пел так, что заслушаешься. Кияшко смотрела на него влюбленными глупыми глазами, и Диана не могла поверить в это превращение. Куда делись кияшкины грубоватая речь и ехидство? Милая, образованная девушка. Сама невинность. Костя уловил удивление Дианы и хитро подмигнул.

В прихожей они долго целовались и обнимались. Подвыпившие мужчины хлопали друг друга по плечам. Гиви своим громогласным голосом приглашал их в гости летом, а Кияшко щебетала, как канарейка. Диана, целуя Гиви в гладко выбритую щеку, шепнула ему на ухо, так, чтобы Оля не слышала.

– Береги ее.

И услышала ответный шепот, причем совершенно трезвый, будто бы и не было выпито ничего.

– Не волнуйся. Спасибо вам.

«Ну шельмец, – подумала Диана. – Обо всем догадался ведь».

Она расцеловала подругу. Дверь закрылась.

И внезапно стало тихо. Только лязгал старый лифт, увозя будущую чету Водачкория вниз, в аэропорт, в Тбилиси – далекий и солнечный город.

Они с Костей остались вдвоем.

– Что я тебе говорил?

– Ты старый змей.

– Я мудрый. И именно я скормил яблоко твоей прапра-прабабушке.

Он обнял ее.

– А теперь пошли спать. Тебе уже час положено быть в постели, гулена.

– А убирать весь этот раскардаш?

– В постель. Я сам уберу.

– Тебе понравился Гиви?

– Мне симпатичны мужчины, способные настоять на своем. И способные плакать от неразделенной любви.

– От неразделенной? Да он хитрюга!

– Значит, мне нравятся хитрюги.

– Потому что ты сам такой!

– Да. Я тоже такой.

– Но поешь фальшиво.

– Я вижу, тебе тоже понравился Гиви.

– Я очень за нее рада.

У двери в ванную она обернулась:

– Ты знаешь, если бы он был хоть чуть-чуть другим, Оля так и осталась бы одна.

– А зачем, по-твоему, в мире существует судьба? – спросил он серьезно.

Супруги Водачкория писали им часто, звали к себе, но Красновы так и не выбрались. Они перезванивались, обменивались фотографиями в конвертах, но повидаться им было не суждено. Диана направила несколько безответных писем и получила ответ от родителей Гиви.

Ни его самого, ни Оли, ни их близнецов, Артура и Давида, не было в живых. Во время боев в столице новой независимой Грузии в окно их квартиры на проспекте Шота Руставели бросили ручную гранату. Шеварднадзе и Гамсахурдиа выясняли свои отношения, а гранату почему-то бросили именно в это окно.

Диана весь день проплакала, а Костя молчал и курил сигарету за сигаретой.

Но тогда, в 1985-м, до этого печального дня было еще так далеко. Они были молоды, счастливы и любимы. Сегодня. И кто знал, что завтра может не быть, а судьба не всегда бывает счастливой?

Костины приятели были удивительно разношерстной компанией. Наверное, потому, что круг его знакомств не ограничивался студенческой, университетской братией и сословной академической спеси он подвержен не был. Общался тесно он только с теми, с кем не был связан

по работе, но не потому, что держал себя заносчиво с подчиненными, а вполне искренно полагал, что подобное положение вещей может повредить служебным отношениям.

Диана была с ним не согласна, но особо не настаивала. Ребята, работавшие в горкоме, ей в принципе нравились, но виделись они только на протокольных мероприятиях. Костя называл это «держать дистанцию».

У них в доме часто бывали: Андрюша Тоцкий – бывший капитан КВН университета, очаровательный еврейский юноша, злой и остроумный, хотя, по Дианиному мнению, больше злой, так как ни одной обычной остроты она от него не слышала.

– Хорошая шутка, – говорил Андрюша, – удел сытого общества. Я так не умею. С детства чувствую себя так, будто мне кое-что зажали дверью, а теперь меня же через эту дверь выгоняют. Вот тебе бы, Костя, понравилось, чтобы тебе кое-что зажали дверью?

– Мне бы это не понравилось! – вмешивалась Диана.

– Вот! Голос народа! – радовался Тоцкий. – Хотя, прошу заметить, Диане в дверях зажать нечего!

– Тебе бы в дверях язык зажать, – добродушно огрызнулся Костя, – договоришься. На тебя досье, как «Капитал» толщиной. Ты остановись, пока не поздно.

На Андрея был «зуб» у главного городского идеолога – Лидии Матвеевны Равлюк, но он относился к неприятностям философски, считая их почетными и неизбежными. А Равлюк называл «главной жопой города» (надо сказать, что для удобства Лидия Матвеевна действительно должна была сидеть на двух стульях как минимум), и Костя подозревал, что ей об этой шутке Андрюши рассказали прихлебатели.

Он предупредил Тоцкого, но тот только отмахнулся.

– Нашел кого бояться!

– Ты хоть иногда задумывайся, что говоришь и где. Вышибут из универа, а тебе полгода осталось.

– Ничего. Вышибут – отращу себе большую-большую жопу и пойду в идеологи. Слушай, Костя, а тебе идеологи не нужны? У меня и фамилия подходящая, только букву «р» вставим.

Он таки дошутился. Его срезали на госэкзаменах по марксистско-ленинской философии и научному коммунизму. Равлюк добралась до него через ректора и друзей по кафедре.

Тоцкий, однако, головы не опустил и, сообразив, что его валят намеренно, устроил комедию прямо на экзамене, перед комиссией.

– Меня, понимаешь, просто понесло, как Остапа, – рассказывал он потом, когда Диана и Костя отпаивали его коньяком у себя дома. – Я остановиться физически не мог. Сидят за столом эти суконные, пардон, Дианочка, хлебала с глазами дохлых котов и слушают, как я отвечаю. Причем выражение у них на мордах одинаковые. Типа «Пой, ласточка, пой». Ну я пою... Тут председательствующая склоняет так, по-ленински, свою голову набок и цедит сквозь зубы: «Вы, Тоцкий, по нашему мнению, неправильно понимаете политику партии...» А я, Костик, как ты понимаешь, к экзамену готовился и чесал как по учебнику, с цитатами и прочей, пардон, Дианочка, вашей херней. Ну я и говорю: «Простите, а откуда у вас эта информация? Из моего ответа по билету? Или, может быть, рассказывал кто?» Тут вступает Коляда, ты его знаешь...

– Да знаю, знаю...

– «Вы, Тоцкий, не умничайте, у нас уже сложилось о вас вполне определенное мнение. Вы идеологически вредный тип, и мне лично непонятно, как вы доучились до пятого курса». – «Что тут непонятного, – говорю, – учился-учился и доучился. Я, если вы помните, Иван Федорович, физик по образованию». Тут опять Калмыкова, уже злее... «Вы, Тоцкий, человек без образования пока. И имеете шанс его так и не получить». Я сделал невинные глаза и спрашиваю: «Из идеологических соображений?» Она величаво так, царственно кивает. Ну, думаю, сейчас я устрою бенефис, мать вашу, я вам запомнюсь, как кошмарный сон. «Можно, – спрашиваю, – узнать, в чем, собственно, меня обвиняют?» – «Можно, – говорит Коляда. – Вы, Тоц-

кий, постоянно позволяете себе идеологически опасные высказывания, в неприглядном свете выставляете уважаемых всеми людей, критикуете политику партии и правительства. Я считаю, что среди советских студентов вам не место. Вы, Тоцкий, неблагодарный человек. Страна вас вырастила, выкормила, дала вам возможность учиться, а вы о нас неуважительно отзываетесь».

Тут меня замкнуло. Копец! Планка упала – и все. «Во-первых, – говорю я, – вы мне ничего не давали. Вырастили и выкормили меня мои собственные родители – на две инженерные зарплаты. А что касается образования, то моя семья платит налоги и, как известно из курса экономики, оплачивает этими деньгами социальные программы».

Калмыкова стала слегка багроветь, а Коляда не унимается: «Ваше образование стоило государству сорок тысяч рублей...» – «А оно могло сэкономить эти деньги, – говорю, – на вашей зарплате. Я физик, а не идеологический работник».

Тут Калмыкова как заорет. Пасть открыла, красная вся, слюна летит... «Вы прежде всего советский студент!» – «А можно, – отвечаю, – без титулов. Просто студент, мне, честное слово, хватит». – «Вы ведете себя вызывающе!..» – «Не может быть, а я и не подозревал». – «Вы мыслите не по-социалистически!» – «Вы мне льстите!» – «Вы не получите диплома...» – «Вот это действительно огорчает». – «И у вас будут неприятности!» – «Они у меня уже есть».

«Вы отдаете себе отчет, – вкрадчиво так говорит Коляда, – в том, что только что заработали «волчий билет»?» – «Да оставь его, Иван, – рычит Калмыкова, – он теперь и дворником не устроится, я ему обещаю». – «Таких как вы, – говорит Коляда, – надо лечить или гнать из страны в три шеи». – «Пройденный этап, Иван Федорович, устаревшие методы. У нас теперь гласность, ускорение и перестройка». – «Ну что ж, – отвечает Коляда, – поживем – увидим. Вы свободны». – «Это я и так знаю. Разрешите зачетку?» – «А она вам больше не понадобится, Тоцкий, – заявляет Калмыкова. – Вы бы ехали в свой Израиль, там вам выдадут новую. Вам там самое место». – «Мадам, – говорю, – я счастлив, что вы антисемитка. Если бы вы были еврейкой, я бы повесился от стыда». И иду к дверям. Потом, уже на выходе, не выдержал и добавляю: «Привет от меня Лидии Матвеевне. Передайте ей, будьте так любезны, что некоторые ее черты я запомню на всю жизнь».

– И дверью, небось, хлопнул? – спросила Диана.

– Ага. Штукатурка посыпалась.

– Дурак ты, братец, – сказал Костя. – Настоящий, круглый дурак. Они тебя затравят, как зайца.

– Послушай, Краснов, – жестко сказал Тоцкий, – рано или поздно это все равно бы случилось. Случилось сейчас. Ну и хрен с ним. Я же знаю, ты такой же верный коммунист, как я араб. Я от тебя запах соответствующий слышу. Ты умный и злой. Ты их враг. Но трус. И можешь на меня обижаться, если тебе угодно. Ты будешь молчать, а я молчать не могу. Я так устроен. Мне душно, Краснов.

– Андрей... – начала было Диана, но Костя положил ей руку на плечо, и она замолчала.

– Давай по порядку. Хорошо, ты наконец высказался. Я скажу тебе, что будет дальше. Диплома тебе не видать как своих ушей. Это раз. Два. Работу тебе в городе не получить. И в другом городе тоже, вполне возможно. Три. Могут уволить с работы твоих родителей. Четыре. Ты у комитета в черных списках и, если не успокоишься, можешь загреметь в психушку – это недалеко, только Днепр переехать. А в лучшем случае – в тюрьму. Отличный результат за пять минут удовольствия. Я, как ты говоришь, трус. Не будем трогать мои убеждения, это мое личное дело, и я никогда и ни с кем, кроме жены, их не обсуждаю. Я коммунист, номенклатурный работник. Так?

– Так, – сказал Тоцкий.

– Теперь скажи, ты помнишь, чтобы я кого-то травил по идеологическим соображениям? Я кого-то заставлял работать в комсомоле, в стройотрядах? Я устраивал вам тягомотные политучебы? Я лгал? Ты просто не понимаешь, что, поднявшись на определенный уровень, я уже

не обязан постоянно доказывать свою лояльность строю, имею право на свое мнение среди вышестоящих и могу навязывать его нижестоящим. Они приходят работать в комсомол – я заставляю их работать так, как положено, и не даю делать пакости—в моем понимании. Ты уж извини, что я об этом напоминаю, но пока я работал в универе, тебя никто выгнать не мог. Ты комсомолец – значит, ты в моей епархии. И я решаю, что с тобой делать. Коммунисты у власти, хочешь ты того или нет. И чем больше в партии порядочных людей, тем тебе же, дураку, лучше.

Тоцкий молчал.

– Так, значит... – сказал он чуть погодя. – Знаешь, Костя, может, кому-нибудь и понравится твоя позиция, но это буду не я. Я бы с ними на одном гектаре срать не сел, не то что работать. Дай тебе Бог здоровья! Выручал ты нас крепко и много раз. Но время людей меняет. Скурвиться не боишься?

– Не боюсь.

– Смелый ты, Костя, парень...

– Ты ж говорил – трус.

– А это с какой кочки на проблему глянуть. Прагматизм, Краснов, штука опасная, как граната в заднице. Вдруг кто колечко дернет?

– Значит – судьба. Что теперь делать будешь?

– Пока не решил. Похожу, подумаю, дождусь, когда желчь стечет.

Диана, которой был очень неприятен спор между ними, чувствовала себя неудобно. Она принимала позицию мужа, но и позиция Тоцкого ей была понятна. Каждый из них был в чем-то прав, но решения Кости были решениями прожившего на свете человека, а Андрей вел себя как мальчишка – честный, смелый мальчишка. Его было жаль. И Диана почему-то подумала, что Костя, спокойный, уравновешенный Костя Краснов в чем-то чувствует себя обделенным и в душе завидует отчаянному кавээновскому капитану, его «сломанным тормозам», его «упавшей планке». Ведь Диана знала, что ее муж думает почти так же, как Тоцкий, – только глубже понимая причины и возможные последствия. И, пожалуй, Андрей был бы приятно поражен, узнав о Костиных взглядах на окружающее. Но у них были разные пути и разное понимание цели.

Они остались в нормальных отношениях даже после этого разговора, и Андрей был частым гостем в их доме после рождения Марика. Работать он пошел грузчиком, в гастроном, но пить не начал, круг общения не сменил, стал мускулистее и еще злее. Но ни о чем не жалел. Если Тоцкий по своей сути был экстремистом, то остальные Костины приятели скорее занимали в жизни центристскую позицию.

Шурик Дасаев, жизнерадостный работник советской торговли, поэт весов и прилавка, угловатый, нескладный и длинный, всегда приносил в дом шум и веселую неразбериху. Артур Гельфер, вдумчивый экономист-философ, рыжий, как веснушки, с красивыми зелеными глазами и пухлым женским ртом, который он скрывал под большими усами, распространял вокруг себя запах одеколона, табака и уравновешенности.

Гарка Комов, толстый, рыхлый и важный, как боров-медалист, большой ценитель искусств и изящной словесности, с вечно длинными нечесаными волосами (этакий престарелый хиппи шестидесятых), приносил с собой ворох парадоксальных суждений и невероятных новостей из потустороннего мира, в существование которого верил безоговорочно.

Самым необычным из всех был аристократ Миша Калинин, всегда безукоризненно одетый, отглаженный, старый холостяк и оголтелый бабник. Он с удовольствием брал на себя роль третейского судьи во всех застольных спорах и считал, что его мнение единственное, заслуживающее внимания. При этом он был грамотным юристом-хозяйственником, спас немало народу от тюрьмы и единственный в городе разбирался в международном и корпоративном праве, которое освоил по литературе, присланной родственником-юристом из Америки.

Вся эта компания, с женами и без жен, собиралась не реже одного раза в две недели, попивала коньяк из рюмочек величиной с наперсток и философствовала с ленцой. Сначала Диана чувствовала себя лишней – женские разговоры не задавались и быстро затухали, хотя и были приятны вначале. Но потом ей понравилась спокойная атмосфера этих вечеров, которые Костя называл «встречами в английском клубе».

Диана, правда, сделала свои выводы и видела в мужской части компании скорее мозговой центр, чем английский клуб: слишком часто разговоры уходили в профессиональную сторону, причем, несмотря на разницу в образовании, собеседники прекрасно друг друга понимали.

Впрочем, и веселиться они умели – особенно отличались Шурик и Миша. В такие минуты они молодели «и чушь прекрасную несли», все проблемы отправлялись в «бабушкин сундук», и Диана хваталась за живот, опасаясь, что от смеха малыш родится преждевременно. А когда к шутникам присоединялся Тоцкий – Диана сбегала, вытирая с глаз слезы от смеха.

Когда подошел срок, и Марк благополучно появился на свет, вся компания явилась к окнам роддома, где уже три часа на морозе подпрыгивал гордый молодой отец.

Через пять дней Костя привез их домой. В пустой прежде комнате стояли детская мебель, кровать, в шкафу висели стопки пеленок, подгузников, распашонок, а в ванной стояла стиральная машина.

Диана была счастлива рождением сына и вся светилась от переполнявших ее чувств, хотя проблемы с кормлением возникли с первых дней. Дико болели груди, налившиеся молоком, – малыш был с ленцой и, почмокав пять минут, засыпал. Диане приходилось сцеживаться чуть ли не круглосуточно, она недосыпала и даже плакала тайком. Мысль о том, что эти хлопоты неизбежны, была слабым утешением, но пока Диана размышляла о тяжелой женской судьбе, все устроилось. Малыш оказался обжорой, и после нескольких недель мучений Диана вздохнула свободней.

Костя помогал ей как мог: стирал пеленки, подгузники, привозил домой массажистку, таскал сумки с продуктами, звонил с работы по двадцать раз в день и мчался к Диане по первому ее зову.

На четвертой неделе жизни малыш стал называться Марком Константиновичем и при звуках своего имени совершенно очаровательно улыбался беззубым ртом.

Дела у Кости на работе приняли совершенно неожиданный поворот: теперь, с милостивого разрешения власть предержащих, Костя на свой страх и риск организовывал под эгидой горкома молодежные центры, кооперативы и кафе, хозрасчетные организации. Сначала – единицы, но к концу 1986 года уже по несколько в неделю.

– Перспективная штука, Ди, – рассказывал он, приходя с работы. – Конечно, девяносто процентов из них проворуются или разорятся, но десять выживут обязательно. Как говорит наш лидер: «Процесс пошел».

Диана, имеющая о кооперативных товарах нелестное мнение, поднимала бровь и предрекала скорую кончину халтурщикам, но ей возражал рассудительный Артур Гельфер.

– Дианочка, – говорил он, развалившись в кресле в гостиной, – ты глубоко заблуждаешься в своих выводах. Вымрут не халтурщики, а как раз те, кто работает на совесть. В нашем «Зазеркалье» нужно быть наглым и удачливым халтурщиком, и то, помяни мои слова, их задавят налогами, как мух. Год, два – и кооперативы канут в Лету. Кто поумнее, сделают на этом капитал для серьезных дел, кто-то сядет, кто-то улизнет с полными карманами. Рынок этими товарами не наполнить. Экономике полумерами не спасешь – это ей как мертвому припарки, но кое-кто на самом вершине станет почти Рокфеллером. Или покруче. Смотри, кому это выгодно, Дианочка. У нас вор на воре сидит и им же погоняет. Вор у нас – двигатель прогресса, в этом основное отличие социализма от капитализма как экономической системы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.